

18+

СКАЗАНИЯ
ВСАДНИКОВ

Мира Гладких
Сказания Всадников

«Издательские решения»

Гладких М.

Сказания Всадников / М. Гладких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511549-2

Ты, дорогой читатель, сможешь найти себе произведение по вкусу: сказки здесь переплетаются с героями из далёкого космоса, а стихи идут рука об руку с бытовыми зарисовками. Впереди ждёт увлекательное путешествие, ты с нами? 26 абсолютно разных авторов поделились с тобой самым важным и сокровенным. Они вложили в каждое слово свою любовь к творчеству.

ISBN 978-5-00-511549-2

© Гладких М.
© Издательские решения

Содержание

Мира Гладких	6
«Я на сто шагов ближе к звёздам...»	7
Чемодан	8
Несерьёзно о серьёзном	9
Соня Резцова	11
Бог городских дворов	12
Светлячок	14
Лис счастлив	16
Вера Смерти	18
И зажигать...	20
Варвара Гусева	23
Лицензия	24
Новогодняя ночь	25
Последний вопрос	26
Катерина Рябинина	29
А если найду?	30
Полет	32
Шпильки	34
Что в имени тебе моём?	36
История о том, как демон сотворил чудо	39
Речь не об этом	40
Тень	41
Обмен	43
Земфира Селезнева	46
За порогом жизни	47
Смех	49
Роза	52
Алексей Румянцев	54
Волшебная лампа	55
1. Ожидание	55
2. Освобождение	56
3. Свобода	57
Я на тебе гадаю, как на картах	58
Четыре сольдо	59
Знаешь...	60
Меня манила тишина...	61
Александра Пушкина	63
Прыгуны	64
Телефонистка	67
Ткачи и драконы	70
Демиурги	74
За две чашечки чая	77
Дело о бомбистке	80
Руслана Кусова	84
Морф	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сказания Всадников

Составитель Мира Гладких

ISBN 978-5-0051-1549-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мира Гладких

Меня зовут Мира. Мне 21 год. С недавних пор я гордо именую себя поэтом. Всё началось давно – в 2010 году, когда в стареньком синем блокноте с золотыми вензелями был написан первый стих. Да, всё верно, я пишу стихи уже почти 10 лет (случился перерыв однажды, но только к лучшему). Тогда моими читателями были... Никого и не было. Я писала исключительно в стол. Следующей ступенькой стала площадка для авторов – Книга Фанфиков. Пусть небольшую, но верную аудиторию я привлекла. Получила первые отзывы, первую критику. Жила и творила там с 2014 года (да, мне потребовалось аж 4 года, чтобы осмелиться что-то показать публике). Следующая ступень – 2017 год. Поворотный год. Я залезла со своим творчеством на стихи.ру под псевдонимом Мира Раменская. Там-то и случилась магия. Первые публикации в сборниках и первое оффлайновое выступление как Автора, но ещё не Поэта. 2018 год – конкурс «Поэзия в лицах» и публикация собственного сборника. Да и такое было, на ЛитРесе его и сейчас можно найти. 2019 год. Псевдонима больше не существует. Теперь только Мира Гладких, Штормовик, Всадница и Поэт. Много чего прожито и написано. 2020 год. Мастерская «О поэтах и стихах», издание нашего общего сборника. Работа над стихами, очень много работы. Ребрендинг собственной группы: <https://vk.com/laternuradetualma>

«Я на сто шагов ближе к звёздам...»

Я на сто шагов ближе к звёздам,
А в голове пустота и свобода.
Всё, что знала, любила, где-то там
далеко.
Позади.
Здесь на вкус другой совсем воздух,
Глубина и полумрак небосвода.
За спиной возле станции россыпь
нежно-синих
гвоздик.
Ты, мой друг, никогда ещё не был
Там, где иней искрил на рассвете,
И туман под ногами то клубил,
То ласкал.
Поутих.
Я на сто один шаг ближе к небу,
Выдыхаю вслед за птицами ветер...
Мне пора.
«Земля – Космос – Вечность».
Мой поезд уже
в пути.

Чемодан

О, дивный старый чемодан!
Прими мою любовь и радость.
Ты явно свыше мне был дан,
Моя божественная малость.
Я помню каждую потёртость,
Как мы скитались по лесам.
Вокзалы, улицы и порты.
И скрип второго колеса.
Ты мой удобный друг навеки.
Не убежишь ты в брюках-клёш.
Смешное счастье в человеке
Я обрету. Ты – подождёшь.

P.S.

Вот только я – не чемодан,
Меня не спрячешь до каникул!
Не вспоминай, покуда пьян.
«Всё точно удалить?»
Два клика.

Несерьёзно о серьёзном

Представь себе, что жизнь – всего лишь путь.
Лишь пара остановок от роддома.
Кондуктор стойко попытался не зевнуть,
А ты – один в толпе малознакомых.
Прошла минута, две, четыре, час.
Ты попривык к ухабам бездорожья.
Играл по радио американский джаз.
Мотивы подхватились молодёжью.
И смех твоих приятелей, друзей,
Согрел последние деньки старушек.
Вы спорили наивно, кто сильнее,
Ведь на кону – ого! – пакет ватрушек.
В твоём кармане спрятанный билет,
Билет в кино? Театр? Аэропорт?
Счастливый номер получил сосед,
Холодный жёлтый поручень потёрт.
О чём ты грезил, рисуя на стекле?
Слагал ли строчки новой яркой песни?
А, может, думал, оставил ли ты след,
Сделал ли ты этот мир прелестней?
Мечтал ли вечер провести с подругой?
Взять за руку её под саксофон?
Впервые ли ты нежностью напуган?
Кондуктор подошел:
– Покинь салон.

*Соня
Резцова*

Соня Резцова

И грянет Шторм! Но это будет позже

А сначала, в девять с хвостиком лет, напишется вдруг неожиданно большое и подробное сочинение на самую популярную тему. «Как я провел лето», ага. Оно будет неизбежно корявым, с путающимися и убегающими словами, но в классе его зачитают вслух и укутают в похвалу. С этим сочинением и родится огонёчек интереса к буквам.

После, через пару лет, появится рукописный фанфик, первая внешкольная работа, продолжение нежно любимой истории о хоббитах. Прочтут его только родители, но одобряют и этого будет достаточно. Тетрадка с произведением, правда, в скором времени потеряется, а вот появившиеся во время и после написания эмоции останутся надолго.

Дальше – больше. Школьные сочинения, которых ждёшь, как праздника и едва ли не в ладоши хлопаешь, когда, наконец-то, задают. Олимпиады по литературе, не то чтобы звёздные, но всё-таки вполне результативные. Конкурсы, хоть и без феноменальных побед, но с радостью и удовольствием.

И вот это удовольствие, эмоция, огонёк – как основа, как то, ради чего очень хочется открыть на пустой странице тетрадь и написать что-нибудь, хоть пару строчек начиркать.

А потом грянул Шторм...

Бог городских дворов

Рафик опустился на землю, привалившись спиной к грязной стене. Косой дождь хлестал по посревшему лицу. Капли стекали с русых волос за шиворот, чертили зыбкие линии на острых лопатках. Он прикрыл светло-зелёные, подёрнутые сизой дымкой глаза и замер.

Закашлялся, рвано вздохнул и съежился от острой боли в груди. Уронил лицо в открытые, но дрожащие от холода ладони.

– Мы – слабые существа. Кажемся себе всемогущими, но это ложь. Когда в один из дней люди не вспомнят о тебе, придётся уйти. Так заканчивается путь каждого из нас. Так умирают боги.

Он не верил. Отмахивался от легенд и пророчеств. Посмеивался над старыми богами, что только не выдумывающими, чтобы про них не забывали. А теперь... Теперь не верили в него.

Рафик, а вообще-то, Рафаэль, был богом-баловником, покровителем городских дворов. Он терпеть не мог своего полного имени, дурачился, повелевал ребячьими улыбками и считал, что обязательно будет жить вечно. Ведь, дети никогда не перестанут играть во дворах.

Рафик был не из тех богов, кого знают лишь по картинам и книгам. Он вихрем носился по дворам, притаскивал кукол девчонкам и планы новых шалостей – мальчишкам. Заливисто смеялся, собирал вокруг себя восторженных ребяташек, вовлекал в игру тех, кто растерянно топтался в стороне.

Бабушки и дедушки вспоминали озорника с теплотой. Улыбались, правда, считали неугомонного бога всего лишь милой детской фантазией.

Он с любовью ухаживал за дворами, что-то чинил, поправлял, раскрашивал. Жил силами детских улыбок и звонкого смеха. Дышал восторженными возгласами: «Рафик! Рафик, ребята! Ай да, играть!»

Все его существо было соткано из озорства, счастья и смешинок в ребячьих глазах. Дети были его семьёй. А семья не может предать.

Правда?

Он не знал, что произошло. Не понял, почему вдруг за какие-то годы (а для бога год – это ведь очень мало) опустели дворы. Почему такая мёртвая тишина, почему никто не бежит с восторгом ему на встречу?

Рафик слышал что-то про компьютеры. Про телефоны, виртуальные игры и искусственное общение. Про то, что больше нет необходимости выходить из дома. Ну, и что?! Разве это может остановить шалопаев-ребятишек, его друзей, его большую семью?! Разве могут они жить без старых дворов и задорных глаз друг друга?! Да нет же, не могут, нет!

Теперь он слабел с каждым днём. Пока были силы, бродил по заброшенным дворам в надежде встретить играющих детей. Как обычно, как раньше. Со временем эта надежда исчезла, но он продолжал бродить без цели, скорее по привычке. Ходил, изредка притрагиваясь к горкам и качелям, сохранившим частицы детской души.

Сегодня Рафик почувствовал боль в груди. Впервые за сотни лет богу было больно. Больно до хруста в зубах, до слез. Он добрел до ближайшего двора, сел, привалился к стене и понял: больше не встанет.

– Так умирают боги.

Рафик усмехнулся. Надо же, быстро кончается вечная жизнь. Снова страшно закашлялся, задохнулся. Потемнело в глазах. Он с трудом отдышался и затих.

Кто – то вышел из соседнего подъезда. Рафик медленно поднял потяжелевшую голову. Ребёнок. Мальчик. Вихрастый, с хитроватым прищуром и футбольным мячом. Неужели?!

Мальчишка увидел Рафика, подошёл. Глянул с печальной, совсем не детской улыбкой. Протянул руку. Кивнул.

– Я говорил об этом, Рафаэль. Теперь ты меня понял. Пойдём, нам пора.

Рафик схватился за протянутую руку. Поднялся. Двор заволокло на миг густым, золотистым туманом, в котором исчезли двое.

Дождь хлестал по останкам качелей навсегда помертвевших дворов...

Светлячок

Смерть приютила девочку. Маленькую, смешливую, с двумя задорными косичками на светлой голове. Девочка была словно соткана из полупрозрачных солнечных лучиков-пылинок. Смерть даже имени её не знала и называла ласково «Светлячок».

Девочка носилась среди людей, шептала нужные слова, заглядывала в глаза и обнимала за плечи. Её никто не запоминал, только совсем маленькие дети видели иногда лучистые переплетения в чистом воздухе. А люди вдруг начинали улыбаться, звонить друг другу, протягивать руки навстречу. Иногда те, кого коснулись маленькие руки девочки, становились счастливыми. Но не все, конечно, только те, кто хотел.

А Смерть приютила девочку, потому что ей, старой уже и уставшей, тоже ведь нужен свет. Хоть немного света. Девочка вилась вокруг неё маленьким светлячком, смеялась и просила теплыми вечерами:

– Смертушка, а расскажи сказочку, ну, пожалуйста! – и прижималась доверчиво к черному балахону.

Смерть гладила девочку по светлой, искрящейся голове, вздыхала и начинала рассказ. Любила она говорить о людях, которых ей доводилось встречать. Особенно о тех, кого до слез, до боли в старческом сердце жалко было уводить за собой. Им бы жить ещё, улыбаться, да только что же смерть сделать может, если время пришло...

И ни с кем, кроме Светлячка своего, не делилась Смерть этой грустью. Только об одном умоляла она девочку перед тем, как отпустить её к людям.

– Не привязывайся, – говорила тихо, опустившись перед Светлячком на корточки, – помогай им, не справятся они без тебя, только прошу, ни к кому не привязывайся. Время придёт каждому, придётся мне всякого человека уводить, не хочу ещё и тебе душу надрывать.

– Не переживай, Смертушка, – смеялась девочка, откидывая назад косички, – всё хорошо будет.

И заигралась она однажды с мальчишкой одним. Часто стала забегать к нему, нравилось ей, что он словно оживает, когда она появляется и рядышком садится. Мальчишка, конечно, не видел Светлячка, скорее чувствовал. Родители его нарадоваться не могли, что мальчик стал улыбаться и по временам даже смеяться тихонько. Болел он, долго уже болел, последнее время совсем ослабел, замолчал, а тут вдруг такое чудо...

А девочка каждый день обязательно заходила к мальчишке, перед тем, как домой, к Смерти вернуться. И он в эти минуты светился от счастья. Только время, неумолимое время всё же пришло...

Вздохнула Смерть, взяла Светлячка за руку и отправилась за человеком. Девочка всегда ходила вместе со Смертью, чтобы той не так тяжело было лишать жизни. Так они и уходили потом: Смерть, что в правой руке теплую руку растерянного и оглядывающегося человека сжимает, а в левой ручку девочки, сотканной из солнечных лучиков.

– Смертушка, а кто сегодня с нами пойдёт?

– Ребёнок, Светлячок.

– Ребёнок, – девочка теребит растрепанную косичку, – но ведь это же совсем грустно.

– Грустно, – тяжело вздыхает смерть. – Только, что делать, если время пришло.

И они заходят к мальчишке. И тогда девочка бросается смерти на шею, цепляется светлыми пальчиками за чёрный балахон и, задыхаясь, всхлипывая, просит:

– Ну, пожалуйста, Смертушка, он же еще выздоровеет и вырастет... Не могло... Сейчас, вот прямо сейчас его время прийти! Ты же ошиблась... Ты точно ошиблась, Смертушка! – последние слова тонут в отчаянных рыданиях.

И маленький мальчик с трудом садится на кровати, будто почувствовав, что в комнате он не один.

Смерть гладит девочку по вздрагивающей спине, потом осторожно отцепляет от себя и ставит на пол. Качает головой:

– Пришло время, Светлячок, ты же знаешь, с ним не договориться.

– Нет! Нет, нет! – кричит девочка, захлебываясь слезами.

Спотыкаясь, она бросается к мальчишке, чтобы как-нибудь защитить его. Светлячок и сама толком не знает, как.

Смерть, в безумной надежде, что девочка не успеет, поднимает косу. Ей нужно всего лишь коснуться, осторожно коснуться мальчика серебристым острием. Всего лишь, только девочка успевает... И коса касается светлых растрепанных косичек. Светлячок рассыпается, исчезает тут же, на месте, молча и от того очень страшно. Смерть садится на пол и долгое, долгое время не шевелится, только вздрагивают старческие плечи. Никто не слышит, как она плачет, тихо и отчаянно...

Потом смерть встаёт и уходит. Одна. А мальчик продолжает сидеть на кровати и растерянно глядит на собственные ладони. Они усыпаны, словно сотканными из света, лучиками-пылинками. Всю жизнь мальчик будет гадать, почему пылинки не исчезают с его рук. И почему он засмеялся тогда, впервые за несколько лет залиvisto и громко после того, как ладони стали светиться солнечными искорками...

Лис счастлив

Мерно стучали капли воды из под крана. Он взял полотенце и неторопливо, словно в трансе, вытер правую руку. Остатки надписи, сделанной гелевой ручкой. «*Лис счастлив*»

Лис – это прозвище. Вообще-то он Марк, но Марк – скучно и невыразительно, особенно, когда ты обладатель лохматых рыжих волос и темно-зеленых глаз с хитринкой.

Лис вышел из душа. Стянул с полки телефон, набрал номер.

– Привет, солнце. Знаешь... У меня снова ничего не получилось. Редакции не нужны такие... Такие позитивные вещи. Слишком скучно. Не приняли. Мне сегодня придётся съехать с квартиры, все сроки оплаты истекли. Да, конечно, справлюсь. Постараться не грузить тебя? Хорошо, солнце. Я позвоню тебе, когда разберусь с этими противными мелочами. Не переживай, ладно? – И протяжные гудки с той стороны.

Он, не глядя, спрятал мобильник в карман и вышел из дома. Шёл крупный, пушистый, пронизанный солнечными лучами снег. *Лис* направился к лавочке. Сел на спинку, запрокинул рыжую голову и закачался из стороны в сторону. Хлопья падали ему на лицо, таяли, чертили на щеках прозрачные дорожки.

«Если кувырнуться сейчас назад,» – возникла вдруг робкая, но отчетливая мысль, – «Можно удариться головой. Удариться и... Всё».

Он продолжал монотонно раскачиваться, глядя почти неподвижными глазами куда-то на небо.

– Вот, молодежь! – проскрипел совсем рядом чей-то голос, – Не для того у этой скамейки спинка, чтобы ты так на ней восседал. Ишь, как ноги поставил! И, вообще, не для вас скамейки эти, вы молодые, вам пешком ходить надо! А то рассеялся тут!

Лис опустил глаза. Встретился взглядом с возмущённым стариком. Вздыхнул:

– Куда?

– Что куда? – не понял старик.

– Куда ходить?

– Как это, куда ходить? На учёбу, на работу. Есть у тебя работа-то, небось?

Лис усмехнулся. Помолчал. Вздогнул всем телом, спрыгнул со скамейки и вдруг заговорил быстро, то и дело почти срываясь на крик:

– Нет у меня работы, старик. Больше нет. И дома нет, понимаешь, в этом городе. Дом далеко, только уехать я туда не могу, потому что... Потому что, а к черту! Потому что, я, наверное, наивный бездарь, решивший, что сможет здесь устроиться. – Старик попятился, но Лис не обратил на это никакого внимания. – Вот видишь, – он рывком задрал рукав куртки. – Видишь это место на руке. Здесь я с детства писал одну фразу: «*Лис счастлив*». Чтобы ни было со мной, я читал ее и верил. Ведь написанное врать не будет.

И я действительно был *счастлив*, понимаешь?! Пусть рыдал, боялся, обманывался. Пусть корчился от боли, раз за разом получал за собственную доверчивость, раз за разом падал, протягивая кому-нибудь руку. Но поднимался. И улыбался, старик, и верил, и сюда ехал *счастливый*, готовый всех обнять и простить!

А сегодня, – Лис стал говорить тише, почти шепотом. Шепотом, полным какого-то совершенно невыносимого отчаяния. – Я смыл её, эту надпись. И потом тер и тер, пока она не исчезла совсем. А ведь, казалось бы, ничего не случилось, можно ещё разгрестись. – начал он рассуждать, уже не глядя на старика. – Можно найти работу, жить где-нибудь на окраине.

Только зачем? Если я больше не верю в то, что «*Лис счастлив*»? Не верю, понимаешь, старик?! Совсем не верю! – Закричал, срывая голос. Закашлялся и затих. Пробормотал: – Я... Сгорел, кажется. Горел, горел, а теперь пепел...

Крик, перешедший в бессвязное бормотание, напугал старика. Он снова попятился и покачав головой, прокрипел:

– Лечиться тебе надо, сынок, вот что. Лечиться и все.

Потом развернулся и, ворча что-то неразборчивое, отошёл от скамейки. Лис забрался на прежнее место и замер. Снег продолжал падать крупным, серебрящимся на солнце пухом. Он оседал на волосах Лиса и очень скоро они, неизменно огненно-рыжие, превратились в полностью седые...

Вера Смерти

Парень с невероятно светлыми, почти прозрачными, голубыми глазами и лохматым ежиком янтарных волос вскочил из-за стола. Да так, что стул с жалобным грохотом отлетел в сторону. Паренек закружил по комнате, запустил руки в волосы, потом спрятал лицо в ладонях, в тщетных попытках сбежать от происходящего.

– Я не справлюсь, понимаешь?! Да ты не можешь не понимать! Я лучше умру!

– Не умрёшь. Ты теперь такой возможности лишен.

– Отлично, – он не выдержал и впечатал кулак в ближайшую стену, но оглянулся на тихий смешок с оттенком сочувствия.

– Пойми, тебя выбрало Время. И никто в этом не виноват.

– Это такая шутка, да? Скажи, что шутка! Я в детстве не мог муху убить, ловил и выпускал в окно... А теперь... – он сполз по стене на пол и замер. Снова зарылся дрожащими пальцами в волосы.

– Митри...

– Я больше не Митри! – он вскрикнул. – У меня ведь и имени нет теперь, да? Только чёрное слово, которого все боятся.

– Ты привыкнешь, парень. Первое время будет тяжело, но потом...

– Что потом? – Митри вдруг закричал, срывая голос. – Это люди, понимаешь ты это?! Люди, как я! И мне уводить их – таких же! – он отдышался и продолжил уже тише, – Взрослых, своих ровесников, детей. Всех. Кто я такой, чтобы лишать их жизни?

– Ты – Смерть. Возьми балахон.

***

Митри действительно привык. Это стоило ему бессонных ночей и, честно говоря, многих невыплаканных слез, потому что смерти ведь не положено плакать. Смерти положено быть холодной и равнодушной. Он смог убедить себя в том, что помогает людям. Придумал себе другой мир – очень светлый, с радугами, добрыми словами и чудесами. Почти поверил, что просто уводит людей туда. Помогает перейти границу, стать чуточку счастливее.

Каждый раз, перед тем, как протянуть к человеку холодную руку и коснуться его крючковатым лезвием созданной специально для Митри косы, он повторял всего одну фразу:

«Пойдём, там тебе будет теплее».

Он знал, что нет никакого другого мира. Знал, что забирает людей в пустоту и холод, но без этой фразы... Митри старался не думать, как бы он жил без этой фразы, только она и спасала его. Только благодаря ей он продолжал выполнять то, что поручило ему Время.

Смерть всегда доводил людей лишь до границы мира, никогда не делая ни шагу дальше. Потому что люди больше всего привязаны именно к этому миру и предназначение Смерти – помочь им покинуть его, не остаться, не заблудиться. Митри не переходил границу ещё и потому, что боялся. Боялся разрушить собственную хрупкую веру, с которой каждый раз просыпался и засыпал. С которой брал в руки косу и протягивал человеку холодную руку.

Особенно эта вера выручала его, когда приходилось уводить детей. Митри садился на корточки перед мальчишкой или девчонкой, нарушая все возможные запреты, скидывал с головы капюшон, подмигивал и шептал:

«Пойдём, там тебе будет теплее. Я обещаю».

Потом поднимал ребёнка на руки и осторожно нёс его к границе. Шёл очень медленно, чтобы успеть допеть тихую колыбельную. Митри её когда-то пела мама, а он нашёптывал детям. Скольких уже он так унёс на руках? Смерть давно сбился со счёта.

***

Однажды, когда Митри сидел и смотрел в пустоту от нахлынувшего вдруг бессилия – просто сидел, смотрел и покачивался из стороны в сторону, потому что Смерти ведь не положено плакать... Митри навестило само великое Время.

Время пришло, улыбнулось, предложило Смерти скинуть капюшон, взъерошило янтарные с проседью волосы и сказал:

– Я хочу показать тебе кое-что, Митри. Иди за мной.

Они дошли до границы. Там Митри замер.

– Прости, великое Время, но если я пойду дальше, то не смогу больше уводить людей. Я увожу их в мир, который придумал сам, а там за границей... Пустота. Я знаю. Я не хочу ломать то, во что верю, прошу тебя, не надо.

– Пойдём, – мягко повторило Время. Оно обняло Смерть за плечи и закрыло ему глаза. Захотало глубоко, хрипловато, и перевело Митри через границу.

– А теперь смотри.

И Митри послушно открыл глаза. Он долго стоял молча, а потом засмеялся – заливисто, громко, счастливо. Хотя и смеяться Смерти тоже не положено.

– Это тот самый мир! – Смерть радостно повернулся ко Времени. – Но как? Как? Тот самый, в который я верил!

– Ты сам создал его, – Время пожало плечами так, словно не случилось ничего необычного. – Точнее, его создала твоя вера, Митри. Такой сильной она была. Ты так хотел уводить людей в мир чудес и тёплых слов, что пустота услышала тебя и... изменилась. Честно говоря, – в уголках тёмных глаз великого Времени пряталось уважение, – на моей памяти такое впервые.

И зажигать...

К вечеру Юпи вернулся домой. Пришёл со школы, слегка расстроенный неудачно написанной работой. Устало потёр удивительные, карие с серебряными прожилками глаза. Услышав громкий топот, улыбнулся.

– Братик! – поймал на руки кудрявого пацаненка лет восьми, засмеялся, погладил по лохматой голове.

– Здорово, Лодька! Дом не разнес без меня? Поел?

– Поел. – Лодька спрыгнул с рук на пол и, гордо скрестив руки на груди, сообщил, – А еще пельмени тебе приготовил. Сам!

– Да ты шутишь! Настоящие пельмени, Лодь! А я голодный, как космический пират. Обед какому-то котенку отдал, представляешь? – Юпи шутливо всплеснул руками.

– Тогда ты не пират, – серьёзно помотал головой Лодька. – Пираты никогда ни с кем не делились! Братик, пельмени остывают, пойдём на кухню! – он схватил засмеявшегося Юпи за холодные пальцы и нетерпеливо повёл за собой.

Когда Юпи с аппетитом отправил в рот последний пельмень и поблагодарил сияющего Лодьку, тот спросил:

– А можно мне сегодня с тобой на крышу? Я тоже хочу зажечь хотя бы одну звездочку.

– Зажечь у тебя пока не получится, ты же знаешь, братишка. – слегка виновато улыбнулся Юпи, – Но можешь посидеть рядом со мной. Если пообещаешь не носиться вокруг и не изображать бешеную птицу. Грохнешься еще.

Оказавшись на крыше, Лодька, конечно, не смог усидеть на месте. Он прыгал вокруг брата, болтал светлыми кудрями, не замолкал ни на минуту и всячески нервировал Юпи, пока тот не сказал тихонько:

– Пора.

Пацаненок мгновенно затих, опустился на прохладную, успевшую к вечеру остыть черепицу, и с внимательным, тихим восторгом стал наблюдать за действиями старшего брата.

Юпи подошёл к самому краю крыши. Встал прямо, как стоят солдаты в засмотренных Лодькой до дыр фильмах. Прижал к груди открытую ладонь, вздохнул, зябко вздрогнул всем телом и поднял руку, чуть сияющую синевато-льдыстым светом, к беззвездному небу. Замер.

Слабо замерцал первый голубоватый огонёк. За ним медленно то угасая, то зажигаясь, подмигивая с благодарностью, родились другие. Маленькие серебряные точки. Звёзды, заполнившие собой тёмное, бесконечное небесное пространство.

– Красиво... – шепотом выдохнул Лодька.

Юпи покачнулся и тяжело опустился на крышу, даже не пытаясь унять дрожь в перебивающейся холодным серебром руке. Свет начал угасать. Юпи лёг на спину, прикрыл глаза и перестал двигаться.

Подбежал Лодька. Молча сел рядом и стал гладить брата по колючим, таким же холодным, как звёзды, седым волосам. Потом тоже улёгся и через пару минут мирно сопел Юпи в плечо. Они не первый раз так засыпали, потому что спуститься по лестнице вниз и добраться до кровати Лодькиному брату просто не хватало сил.

Мальчишки жили вдвоём. Старшему пятнадцать, младшему восемь, и оба всё-таки взрослее собственного возраста. Что случилось с родителями, Юпи не говорил, но Лодька и не спрашивал. С самого раннего детства он помнил рядом только старшего брата, иногда смеющегося, иногда, его, Лодьку, ругавшего, но всегда родного. И всегда зажигающего звёзды.

Юпи нечасто разрешал подниматься с ним на крышу. Может, просто боялся за шептунного Лодьку, а может, не хотел, чтобы тот видел, как дрожат пальцы у всегда сильного и неунывающего старшего брата. И Лодька засыпал один в пустой комнате, беспокойно вздыхая и пристально глядя в потолок, стараясь по ту сторону разглядеть в который раз ночующего под звёздным небом Юпи.

Но сегодня братья уснули на крыше вместе. С утра спустились в дом, позавтракали, накинули на плечи рыжие рюкзаки и отправились в школу. А следующим вечером звёзды не зажглись. Ни одна звезда на ставшем вдруг чёрным небосводе. Потому что вернувшись позже, чем обычно и, как ни в чем не бывало, окликнув Лодьку, уставший Юпи не услышал ответа.

Бросился на кухню, в комнату, выскочил на улицу.

– Лодька! Лодь, я уже не играю, хватит! – отдышался, помотал головой, – Выходи, иначе не возьму тебя сегодня с собой, слышишь! Лодька, чёрт возьми, где ты?! – Остановился.

Пробормотал:

– Он, наверняка, скоро прибежит. Прячется или заигрался с кем-нибудь. А звёзды... Звёзды все-равно надо зажечь.

Полез на крышу, чувствуя в груди такой холод, от которого хотелось съёжиться, сбежать, ткнуть в сердце каким-нибудь факелом. Встал на край, покачался, на мгновение спрятал лицо в ладонях. Поднял руку и, конечно, не смог зажечь ни одной звезды. Ни одного, даже самого маленького, огонька.

Всхлипнул, чуть не упал с лестницы, спускаясь, и побежал вглубь окружающего дом леса. Почему в лес, Юпи не знал. Может, погасшие звёзды, которым так хотелось гореть, вели его верной дорогой. Лодьку, продрогшего, испуганного, размазывающего по чумазому лицу отчаянные слёзы он отыскал под утро. Стреб в охапку и спотыкаясь, понёс пацаненка домой.

– Лодь... – уже вечером, сидя на крыше, выдохнул облегченно, поверил, что брат действительно нашёлся и сидит рядом, – Что все-таки случилось?

– Не знаю. – Лодька вздрогнул и обнял себя за плечи. – Я вышел из школы, а потом... Очнулся уже в лесу. Знаешь, почему мне было страшно? Потому что там, на небе, совсем не было звёзд. Ни одной. И не понятно, куда идти, как тебя искать.

– А мне, – Юпи поднял голову к подмигивающим звёздам. Сегодня он почему-то не рухнул без сил после того, как замерцали белые огоньки. – Было страшно, потому что не было тебя. И знаешь... – старший глянул на младшего, взъерошил тому волосы, помолчал, – Я говорил, что ты пока не можешь зажигать звёзды, помнишь, Лодька? Но это не так. Потому что ни одной звезды я не зажгу без тебя.

И двое мальчишек замерли рядом, глядя на звёзды, которые они зажгли. И будут зажигать снова и снова.

Варвара Гусева

Варвара (Вара) Гусева – Россия, Омск. Писательством начала заниматься лет с одиннадцати-двенадцати. Серьёзно занялась в четырнадцать. Пишу практически всё: От коротких рассказов до пары романов в разработке. Мечтаю научиться писать стихи.

О себе: всю сознательную жизнь провела либо в Омске, либо в его пригороде (что не мешает мне заблуждаться на ровном месте). На вдохновение не надеюсь и, если и случаются застои, снимаю их длительными прогулками, леший пойми где. Ценю хорошее фэнтези, свой путь начинала именно с него. На звание прям известного писателя не претендую, но это один из моих приоритетов в жизни.

Лицензия

Сижу, откинувшись на спинку кресла. На столе лежит неровная стопка документов, разнообразных свидетельств, грамот и договоров. В очередной раз окидываю стопку взглядом, надеясь, что ничего не забыл.

Возле стопки стоят электронные часы. Из светящихся палочек сложено время.

12:27.

Через три минуты я встану и выйду из бетонной коробки, что зовётся моим домом. А ещё через час, наверное, помолюсь. Если смогу. На столе стоит церковная свечка. Я не задуваю её. Худо-бедно, но греет.

Сквозь дыру в шторе просачивается солнечный луч. Вокруг полно мебели, но чувство пустоты никогда не покидает меня. Равно как и моих соседей. Равно как и тех, кто живет в домах рядом.

12:29.

Еще минута осталась. Всего лишь минута. Целая минута. Не хочется её тратить на какие-то дела. Лучше просто посидеть, подумать.

13:00.

Резко поднимаюсь со скрипящего кресла, сгребаю стопку бумаг. В дверь стучат, открываю.

«Ничего, на этот раз пронесёт», – пытаюсь утешить себя. Но с каждым разом всё больше сомнений.

Этот ад повторяется каждые пять лет, в день рождения. Вместо юбилея – вечное ожидание, сборы документов, надежда. И если повезет, то дальнейшая жизнь. Мне везёт. Пока что.

На стене, в моей спальне, висит семь сертификатов. Каждый взят в рамку. На каждый я смотрю с благодарностью и благоговением. Каждый дался мне с огромным трудом.

13:30.

Сижу в кабинете начальника и смотрю как он перебирает мои документы. Над дверью, за моей спиной, висят часы. Их ход сводит с ума. Тик. Так. Тик. Так. Тик. Так. А начальник всё смотрит, читает, думает.

Он достает ещё одну бумагу и что-то там пишет. Ставит печать. Я ёрзаю на стуле, чуть не подпрыгиваю. Наконец, он возвращает мне документы и бумагу, которую только что подписал. Беру её дрожащими руками и читаю:

«Федеральная служба по надзору за естественным приростом
и качеством населения
ЛИЦЕНЗИЯ

№992559 от «3» июля 2056 г. на дальнейшую жизнедеятельность
и проживание в данном регионе юридическому лицу Горобчук С. Д...»

Пропускаю почти весь текст. Эту форму я уже выучил. Снизу стоит печать: «ПОДТВЕРЖДЕНО». От радости подпрыгиваю, рассыпаю бумаги. Начальник недовольно качает головой. Быстро собираю все документы и вылетаю из офиса.

Новогодняя ночь

Что-то скребётся в дверь. По крыше кокают когти. Окна заколочены. В щелях между досок на окнах, иногда видны бесформенные чёрные твари. Они кружат, рычат, царапают стены. Пугают до седины.

«Будь она проклята, Новогодняя ночь!» – думает лесник, забившийся в красный угол.

Его трясёт и физически, и душевно. В воздухе веет страхом. Он склизкий, мерзкий, тягучий заполняет собой весь дом – от подвала до чердака. Забирается в сердце и душу. Оплетает всё паутиной, выбивает воздух из груди, давит истеричные крики.

Дети Проклятого Леса никогда не жалели егеря. Он всегда был для них лакомой добычей. В Новогоднюю ночь ломаются барьеры. Это единственный шанс убрать назойливого человека.

Двустволка лежит посреди комнаты. Лесник боится выйти из угла и взять её. Он знает про незримые щупальца, что оплели ружьё. Тьма и страх сегодня материальны, но оружие не имеет силы. Только свет, только добро. Только молитва в красном углу.

Противный скрежет выбивается из общего звериного рёва. «Добрались до окон», – с досадой думает хозяин дома. Доски отлетают на середину комнаты, отталкивая двустволку.

Осколки рассыпаются по полу. Когтистая лапа ощупывает подоконник, стену вокруг окна. Лесник начинает мелко креститься.

«Тебе это не поможет», – раздаётся в его голове голос.

Холодный и жуткий, как сама смерть. Проникающий в подкорку мозга, сводящий с ума. Так могла звучать только сама Тьма, во всём её величии и объёме. Впрочем, это она и была. Иначе этих тварей назвать нельзя.

Вокруг начинает стремительно темнеть. Гаснут звёзды, исчезает луна. Становится тусклым свет церковных свечей. Звуки сжимаются до размеров снежинки и тают. Голоса в голове все слышнее.

Время замедляет свой бег. Пространство искривляется под натиском тёмных тварей.

– Иди к нам. Мы поможем тебе, – говорит голос Тьмы. Страх становится чем-то зримым. Чёрная липкая, густая масса. И такие же монстры вокруг. Мерзкие, блестящие, с красными огоньками глаз. – Чего же ты боишься?

– Нет! – орет лесник, практически фальцетом. – Я вам не дамся!

Он поднимается на ноги и бежит к двустволке. Благо, та заряжена. За двумя оглушительными выстрелами следует истеричный визг тварей. Они расползаются, разлетаются. Чёрная кровь капает на пол. Света становится больше. Ужас медленно отступает, растворяется.

Сквозь щель между досками на окнах в комнату проникает алый лучик. На горизонте брезжит рассвет. Все кончилось. «С Новым Годом, мать вашу», – произносит лесник и падает на пол.

Последний вопрос

Тик-так. Тик-так. Тик-так. Часы идут медленно. Слишком медленно. Сломался механизм, или я схожу с ума от нервов?

– Ваш любимый смертный грех? – голос Доктора будто звенит сталью. Пустым взглядом он смотрит на стол, в бланк, лежащий перед ним. Его неприятное, крысиное лицо ничего не выражает. Сидит он, сцепив пальцы и поставив локти на подлокотники. Я напрягся. Доктор однозначно мне не нравится. Впрочем, выбора у меня нет.

Я задумываюсь, но не о грехах. А о Докторе. Профессионал высшего уровня. Чтец людских душ и мыслей. Человек, разработавший уникальную систему тестов. И никто не может понять, как она работает. Работает, однако. Исправно работает. Всегда боялся нарваться на него. Помню, когда мне первый раз рассказали о нем, я пообещался не лезть туда, где работает Доктор.

Молчание затягивается. Доктор впервые за всё это время поднимает взгляд. У него синезеленые, холодные, повидавшие виды глаза. Расцепляет пальцы и стучит ногтями по подлокотнику.

Я переключаюсь с мысли о личности Доктора на заданный им вопрос. Любимый смертный грех – интересный вопрос. Я собрался было солгать, что мне, в принципе, противны смертные грехи, но передумал. Он сразу поймет, что я вру. Не может не понять. Слишком уж хорошо он разбирается в людях.

Мысленно представляю грехи в виде людей. Гордыня – уродливый старец в короне, гордо поднимающий голову. Зависть – мужичонка в богатых одеждах, злобно косящий на Гордыню. Гнев – плечистый амбал с топором. Уныние – красивая девица, подпирающая голову рукой. Алчность – человек, сидящий на мешках. Чревоугодие – заплывший жиром мужчина, обгладывающий очередную куриную ножку. Похоть – дева, в весьма откровенном наряде, поигрывающая мотком веревки.

Что же мне нравится больше? Кто мне ближе? Они уродливы, но так манят. Они противны, но так щедры.

– Вы слишком долго думаете, мистер Андерсон. Начинаю считать. Либо вы отвечаете сейчас, либо этот ответ не засчитывается. Три, – меня охватывает легкая паника. Достаточно всего трех пропущенных вопросов, чтобы меня не приняли. Два из них на моем счету уже есть. Я обязан ответить.

– Два, – Доктор незаметно подгибает пальцы на левой руке. Я начинаю вспоминать свои недостатки. То, что я совершал чаще всего. То, за что осуждал меньше всего. Виски начали болеть. Проклятье. Я не ожидал такого вопроса. Рассчитывал на все, кроме этого. Впрочем, люди говорят, что сбивать столку – любимая фишка Доктора.

– Один, – он подогнул третий палец. Секунда еще есть. Отчет не закончен. В моей груди «загорается» странное чувство. Ярость. Злоба. Мне хочется кинуться на Доктора и... ну конечно!

– Гнев! – выкрикиваю я, чуть ли не подпрыгивая. Он противно щурится, глядя мне прямо в глаза. Делает пометку в бланке. Снова опускает глаза и сцепляет пальцы. Молчит некоторое время, спокойно так. Будто бы не видел ту борьбу, что происходила внутри меня. А ведь он видел – великолепно видел! – но смолчал. Засчитал.

– Тест окончен, мистер Андерсон. Вы приняты. Только, пожалуйста, никого не убейте, – он снова поднял взгляд. В глубине его глаз на секунду вспыхнул теплый огонек. – На самом деле, мне нужен был ответ только на последний вопрос. Все остальное не так важно. Думаю, вы достаточно умны, чтобы никому об этом не говорить. Моя репутация изрядно пошатнется. Я люблю Гордыню.

Он смолкает. Я пулей вылетаю из его кабинета. Мир вокруг тут же наполняется шумом, гулом, голосами. Никто не узнает о тайне Доктора.

Катерина Рябинина

Катерина Рябинина

Рябинина Катерина Станиславовна.

Живу в прекрасном северном городе с поэтичным названием Полярные Зори.

Как я начала писать? Не знаю. Так же, как и рисовать. Захотела одеть мысли в своей голове в кружева из слов.

Творю уже полгода, постоянно развиваю и учусь. Надеюсь, что мои истории заставят улыбнуться и поверить, что творить может каждый.

А если найду?

Закат в наших местах прекрасен тем, что после него на улицах ни души. Да и какой разумный человек оставит открытыми сени, когда по нашему поселению стали бродить отряды искателей приключений?

Всё рыщут, снуют туда-сюда, как тараканы. А в дом пустишь – съедают всё хлеще саранчи. Местные уже обвыклись и запирают дома. Сумасшедшим с рюкзаками открывать запретил сам старейшина. Рядом есть пустырь, вот пусть там и ночуют.

Сумерки укрыли деревню, и я спокойно погрузилась в чтение. Магия магией, но и отдыхать надо уметь. В кастрюле подходит глинтвейн. Красота...

Неожиданно, или точнее вполне ожидаемо, в дом ворвался молодой демон, сметая дверь, как будто и не было замка. Я недовольно отложила книгу. Ну, что его опять принесло?

– Верни то, что взяла! – рыкнул он, с трудом сдерживая ярость.

Ну, вот опять... Сколько можно-то?! У них, что, задание у всех общее?! Предыдущие просители хотя бы стучали, а этот... Конечно, мы давно знакомы, но мог быть и поаккуратнее. Дверь не казенная. Надо отдать должное, даже когда он злился, оставался на удивление привлекательным. Челюсть, нервно подрагивающая, только подчеркивает острые скулы. Тёмные глаза горели, прожигая дыру на том месте, где я сидела. Мне кажется, если бы он обладал магией, то сейчас бы одна дерзкая ведьмочка не ухмылялась, пожимая плечами. Пепел не может смеяться.

– Да я уже в сотый раз повторяю, что я не брала эти верёвки. Я макраме не увлекаюсь! – с вызовом повторила, наблюдая за реакцией очередного искателя. И что его вдруг занесло в отряд?

Да, зря Капитан решил отправить на переговоры его или, может, наоборот, он много знает?

– Это не верёвки, а кожаные артефакты. Глупая магичка, верни! Они же на костёр тебя поведут! – хорош, чертяга, да не убедителен. Да и что я могу ещё сказать? Ну зачем мне кожаные ремни, когда у меня шкура дракона на чердаке сушиться? Ну ведь опять не так поймут... Как же тяжело с этими любителями рейдов...

– Дорогой мой, – поднялась с кресла, обойдя, свою жертву по кругу, я аккуратно коснулась когтями его спины. Дрогнул, а мне это начинает нравится, – я шибари не увлекаюсь, но могу на тебе поучиться.

Он снова зарычал, но уже как-то обречённо. Я отошла к плите, разлила по бокалам глинтвейн. Один протянула заклятому другу, отсалютовав вторым.

– Кэт, за что ты так, а? Зачем тебе это всё?

– Люблю веселье, а ты всегда приносишь его с собой. Ещё налить?

– Я выпью, если треклятые верёвки вернёшь.

– Да чтобы тебя все черти ада подрали! Ну нафига они мне?!

– Да потому что ты единственная ведьма в этом захолустье!

– И что теперь?! Все шишки мне?! Да и вообще я природный маг! Ведунья. Зачем мне кожа? Я в некрманты не записывалась... Шёл бы ты, среди своих поискал. Принцессу свою белобрысую проверьте, по моему она клептоманией болеет.

– Да нет у нас в отряде крыс! Нет!!!

– Может поспорим, дорогой? На желание?

Ведьма хитро улыбнулась, и он понял, что попался в очередной раз.

– По рукам!

Полет

Утренний кофе давно остыл, а мы похоже так и проболтали всю ночь. Как всегда, у моего заклятого друга проснулся дух авантюризма, и пятая точка страстно захотела приключений. Теперь я знала, что демоны абы куда не прутся, а у них есть конкретная цель и даже несколько планов по её достижению.

– Вот смотри, допустим, они будут искать свой заброшенный город пару месяцев... Есть-то что-то надо? Или разбойники в пути? А хороший наёмник всегда добудет пищу и защитит. И не важно, чем ему за это платят: чеканной монетой или одной из душ.

– Ага... – промурлыкала, проведя плечами.

– Или ещё лучше, если они его не найдут. На этот случай у меня есть карта. Город же наши строили. Его каждый вшивый цербер знает. А это уже не одной душой оценивается. Представляешь перспективы? – продолжал вдохновенно рассказывать рогатый массируя мне плечи.

Мррр... В такие моменты мне абсолютно всё равно, что он там вещает, главное, чтобы руки с шеи не уводил.

Ай! Вот демон, когтями прошёл! Теперь заживать сколько будет...

– Ты меня слушаешь вообще? – сердито пробурчал, сжимая плечо. Ммм... Приятно.

– Конечно, конечно, там что-то про наёмников, да?

– Да, минут сорок назад я говорил про них... Сама внимательность. Я тебе присоединиться к отряду предложил. Всё равно отдыхаешь, не сезон для травок твоих.

– Ты чего, в котле перегрелся? Какой отряд? Зачем им ведьма? Они меня на костре ближайшем спалят...

– Скажем, что ты лекарь, м?

– А если не поверят? Танцуй, ведьма, танцуй?

– А сила внушения мне для чего?

– Уговорил, языкастый! Заодно проверим, кто в споре победил, да?

– Разумеется...

***

Ветер шумел над лесом, заглушая даже звуки воды, падающей с гор. Стихия звала в путь. Я нетерпеливо поглядывал на дверь, аккуратно прислоненную к косяку. Дааа... Спокойнее надо было быть... Теперь придётся новую дверь ставить. Одни расходы с такими друзьями.

Рыжая выскочила с рюкзаком на перевес, прям юркий огонёк на свободе. Огляделась по сторонам и с усмешкой уточнила:

– А добираться-то мы как будем? На своих двоих? Отряд на рассвете утопал!

Вот язва. Ну ничего, у каждого свои козыри. Материализация крыльев заняла доли секунды, а вот визг восторженной ведьмы лес запомнит надолго...

– Крылья! Крылья! И почему я о них ничего не знала, а? Вот черт лысый! – девчонка крутилась вокруг пытаясь дернуть то одно, то другое крыло, наивная... Реакция, знаете ли, получше, чем у некоторых, но хватит игр в кошки-мышки.

Резко подхватил эту егозу на руки, взмыл в воздух. Отряд нагоним в считанные секунды. Посмотрел на неё, вроде не испугалась. А в глазах чистый, детский восторг. И всё таки-близко. Слишком близко.

Шпильки

Проснулась я от того, что мне тепло и спокойно, как будто не на земле спала третьи сутки, а в любимой кровати. Потянулась, как же хорошо и уютно открывать глаза в объятиях. Ммм... Так, стоп! Какие объятия?!

Аккуратно открыла один глаз. Ой... Теперь понятно, почему тепло. Исчадия ада даже ночью не мёрзнут. Надо попробовать тактично уползти в свой мешок... Куда там, держит как свою добычу. Бесит! Рррр...

– Прекрати ерзать. Я вообще-то мужчина и сейчас ранее утро, – сонно пробормотала моя головная боль.

Ой! Я быстренько собрала все свои конечности и сжалась в комок, во избежание так сказать. Ага, тот случай! Демон, хитро щурясь, переложил мою брентную тушку себе на грудь и оскалился:

– Вот так намного лучше...

Ему-то может и лучше, а у меня все мысли разбежались, тараканы встали в хоровод, а Фрейд просто ржёт и наблюдает. Сдувая непослушные волосы с лица, я прошептала, а точнее прокаркала, как ворона в моем саду:

– А мне сон приснился...

Деймон удивлённо посмотрел на меня:

– И ты вот сейчас его рассказать хочешь, да? Серьёзно? Другого времени не нашла?

– Ага, – старательно кошу под дурочку и продолжаю, – В общем, стою я в пустыне. За мною армия, впереди армия. С одного края враги, с другого – товарищи. Варвары! Ты слушаешь? – демон страдальчески поднял глаза к потолку небольшой палатки, проводя рукой по позвоночнику, вот знает же... Выдох, – Так вот, в руках у меня грозное оружие каждой женщины. Шпильки!

– Те, что в волосах? – это маньяк начал перебирать пряди волос, мурлыкая какую-то мелодию. Сволочь...

– Нет же, на ногах. Обувь такая. Я их держу на манер бумерангов. Тут они начинают нападать, а я в ответ – туфлями! Мясо, брызги крови и смерть! Одному в глаз, другому в шею! Любо-дорого посмотреть!

– Окей, туфли кончились, а дальше что? В рукопашную? – он уже откровенно издевался, наблюдая, как я аккуратно сползаю, отвлекая его разговором.

– Ну нет же! Они на манер твоих крыльев матела... митерли... материал... короче, появлялись в руках снова, пока я не перебила большую часть нападавших. Я была как Валькирия. Непобедима и прекрасна.

– А потом?

– Потом в меня воткнули копье и пробежали по моему брентному телу. Конец.

– Очень познавательно, – промурчал мой внимательный собеседник, поглаживая овал лица. Ох, опасно же так просыпаться. Я непринужденно, как покалеченная каракатица, поменяла горизонтальное положение на вертикальное и потянулась.

Укоризненный взгляд говорил о многом. Ну, что за человек? Хотя... Он даже не человек. С улицы донесся звук горна. Рогатый прикрыл глаза, прислушиваясь.

– На нас напали сарацины. Я пойду. Работа зовёт. – он плавно перетек с сидячее положение, опять оказываясь слишком близко.

– Там же опасно... Оружия нет... И...

***

Очередной раз посмотрел на эту ведьму. И что в ней такого? Вредная, рыжая, несносная. Вот только переживает так искренне, что язвить совсем неохота. Осторожно притянул её к себе, вдыхая до боли знакомый запах.

– У нас все вооружены, десяток обученных воинов и один боевой демон. Подожди здесь, нечего тебе снаружи делать.

– Ага...

Ага. Так я и поверил. Вижу же, что следом попрется. Глазки опустила в пол, а там бесы танцуют. Вот непокорная!

Резким движением встал, откинул полог палатки и вышел. Надо успеть до того, как эта заноза найдёт оружие.

***

Сиди здесь. Размечтался! Я же не собака цепная, а вполне полноценная ведьма. Могу за себя постоять! Так, где там мои шпильки?

Что в имени тебе моём?

Смотрю.

Просто смотрю. Она ещё спит. Как ангел, если незнаком. Но я её уже знаю. Слишком хорошо её знаю, чтобы отпустить.

Дыхание.

Лёгкое, порывистое. Смех сопровождает её. Улыбка дарит надежду любому. Светлая ведьма с тёмным прошлым.

Взгляд.

Светлый, лучистый. Будто горное озеро. Обжигает и дарит покой. Там живут бесы и ангелы. Одним взглядом она дарит надежду, ведьма. И так же легко этим оружием бьёт. Именно взгляд заставил сойти с пути, что избрал.

Мимика.

Живая, яркая. Неуловимая, как тень. Особенная, как её душа. Может не красивая, но эмоциональная. Как огонь в костре, резкая. Как вода в горной реке, мимолетная.

Жесты.

Движение, жизнь. Телом она дышит. Каждое движение продолжает слова. Неудержимая, эмоциональная, сложная, многогранная, непонятная.

Эмоции.

Чистый наркотик. Она живёт ими. Она питается ими, вредная. Выводит, заводит, опутывает, манит, дразнит. Держит в дурмане и нет выхода. Да и стоит ли его искать нам?

Слова.

Как плети. Как сладкая нуга. Как горький, разъедающий алкоголь. Умеет убить, воскресить и обнадежить. Расскажет, напоёт, удивит, опечалит, согреет, увлечёт. Нет в её словах фальши и наносного. Сила её в речах, в текстах, в стихах.

Нежность.

Тонкая грань. Не каждый увидит. Никто не поймёт её. Тёплые руки, лёгкие неуверенные прикосновения. Она мягко идёт вперёд, порезав руки. Кровь с пальцев смывает границы, недоверие. С ней спокойно, можно дышать полной грудью. Теперь я чувствую её тепло, она не предаст.

Гармония.

В словах. В её прикосновениях. Я встретил её такой. Она легко приняла меня таким. Не осудила, не посмеялась, слушала тишину.

Я молчал, она шептала что-то нежно. Я говорил, она слушала заворожено, чуть дыша.

Вдохновение.

Поглощающее её. То, что душил. То, что даёт дышать. С кистью, карандашом, бумагой, мечтой. Она одержима им, как демон жертвой. Ночь сменит день, а акварель сменит текст. Она всегда творит, как будто что-то гонит. Гонит вперёд к цели, будто боится не успеть.

Страсть.

Сильная, пожирающая. Она умеет любить. Глубоко, с когтями в кожу. С царапинами во всю спину. С укусами, рычанием, криками, стонами, поцелуями. Жаркий огонь, что живёт в хрупкой девушке.

Утро.

Как жаль. Сейчас нужно уйти. Она не захочет говорить. Ведь вчера я узнал многое. Девочка заигралась, когда решила привлечь демона. Удивительно тонкая грань между похотью и желанием. Предпочту желание инстинктам и уйду, пока не поздно.

***

Холодно. Очень холодно. Одеяло не спасает. И носки, и свитер. Чёрт, надо выбираться отсюда. Здравствуй, солнышко, здравствуй, огонь живой. Да, это я о костре говорю. Тепло-о, хорошо-о, и чайник родненький уже подходит.

Демон. Задумчивый такой. Неужели обиделся, рогатый?

Ну, люблю я догонялки! И ведь догнал, чего дуется?

– Эй...

– Ну, чего?

– Чай будешь пить?

– Я кому чайник грею?

– Тогда и мне налей, ага?

– Вот ведь рыжая заноза! Сейчас будет.

Улыбнулся. И хорошо. Значит не сердится. Можно и дальше играть.

Чай.

Горячий, крепкий. С запахом хвои. Чихаю от дыма, смеёмся. Скоро проснутся остальные, подтянутся завтракать. Он опять уйдёт вперёд, на охоту. Он всегда уходит, всё чаще и дальше...

Шум.

Много людей. Смеются, шутят, общаются. Я стараюсь отвечать на вопросы. Мне тяжело, когда вокруг много чужих. Убегаю в лес, ссылаясь на сбор трав.

Уголь. Линии, изгибы. Бумага помнит всё.

Глаза.

Яркие, глубокие. Губы в усмешке. Короткие, непослушные, тёмные волосы. Скулы, о которые можно порезаться. Тут, на бумаге, он только мой.

– Неплохо...

– Опять нашёл?

– Ты не пряталась.

– Скорее искала. Научишь меня?

– Чему же на этот раз?

– Метать топор. Менестрель всё ещё жив!

Смех.

Родной, тёплый. Он обнимает меня. Лёгкий топор в руке. Тренировка будет долгой, бедные деревья! Бросок за броском точно в цель. Смех и азарт в крови помогают жить.

Вечер.

Как неожиданно. Нас не искали. Хороший отряд, смертников нет.

Люди.

Что там. В палатках сидят. Совсем как под колпаком. Они никогда нас не поймут. Ведьму, что азартно хочет метать топор. Демона, который с каждым днем становится всё человечнее.

Тишина.

Догорел костёр. Рука болит жутко. Зато я научилась новому. Ночь вступила в свои права. Ну что, демон, сыграем ещё раз?

История о том, как демон сотворил чудо

Тихий вечер постепенно укрывал землю, скрадывая тени. Прекрасное время, чтобы вести задушевные беседы о давно минувших днях. Ведьмочка уютно устроилась на плече, выводит пальчиком на моей груди узоры. Разговор тоже превращался в изысканный узор недомолвок, что порождает у некоторых рыжих ощущение волшебства и магии судьбы. Хмыкнув, я всё-таки решил перебить её путешествие в прошлое, уточнив некоторые детали, которые, к моему стыду, ускользали вслед за движениями руки этой бестии:

– Ты считаешь, что это и было чудо?

– Почему же нет? Объясни мне, недалекой, пожалуйста, – девушка подняла голову и недоуменно посмотрела на меня.

– Смотри, ты стоишь, привязанная к столбу, на казнь, верно? То есть тебя поймали, приговорили к смерти через сожжение, и ты радуешься, чему? – мне всегда нравится, когда она морщит нос, считая, что разъясняет элементарные вещи.

– Допустим, тому, что в тот день пошёл ливень, дрова промокли и казнь не удалась, – улыбнулась она, устраиваясь поудобнее, точно кошка, меняя положение.

– Только, если я правильно помню, потом тебя решили утопить? Где же тут ты углядела чудо, а? – ответ я, разумеется, знал наперёд, но эта наивная заноза, как будто игнорирует всё, что я добавляю от себя.

– Чудо в том, что меня не смогли утопить, неожиданно река замёрзла. В июне, в середине лета, это ли не магия? – её глаза смеялись, наблюдая за моей реакцией. Нет, она точно что-то знает!

– Третий случай рассмотрим? Что там тебе обещали крестьяне за вмешательство нечистых? Святую смертную казнь через повешенье, всё верно?

– Ага, а тут прям комбо случилось! Верёвка лопнула и палач с помоста упал, насмерть. Только местные меня теперь стороной обходят, даже поговорить особо не с кем. Вот только с тобой и общаюсь, рогатый... Так и не веришь в чудеса и судьбу? – Кэт встала, потянулась и недовольно посмотрела на меня, – и вообще, все приличные девушки в это время уже спят. Гости, вам хозяева не осточертели ещё, а?

– Хорошо, заноза, пусть это будет чудесное спасение, если тебе так угодно. А мне пора, дела, знаешь ли...

***

Я брёл по дороге, вспоминая, когда увидел эту рыжую первый раз. Как раз в тот злополучный день казни на костре. Уж сколько сил мне пришлось приложить, чтобы и дождь призвать и реку заморозить. Между прочим, для демона огня это далеко не раз плюнуть. Остальное уже дело техники, наши даже премию выписали за случайное убийство.

С того момента сам назначил себя демоном – хранителем этой проблемной. Она же ещё и Лютика призвать и поработить решила, дурная, благо использовала неверную формулу призыва. Да и повезло ей дико, что я был рядом, монстра успел расщепить и материализоваться в кругу. Теперь у неё есть личный демон, как она искренне считает, правда крайне свободолюбивый.

Меня же это устраивает, теперь я могу быть рядом, когда захочу. Надо завтра не забыть бутылочку вина, а то сколько можно чай гонять?

Речь не об этом

Музыка заполняла пространство небольшой мастерской. Я с восхищением наблюдал, как на холсте появляются первые ростки волшебства. Кэт импульсивно двигалась в такт мелодии, будто сливаясь с ней. «Гроза» Вивальди. Необычный выбор. Я встал немного позади, наслаждаясь картиной, что создавали своим дуэтом девушка и мелодия.

– Как произошло твоё знакомство с искусством? – негромко спросил я, опасаясь спугнуть вдохновение.

Ведьмочка обернулась, как будто совсем не ожидала увидеть кого-то в своей обители. Она пожала плечами и вернулась к краскам. Мне оставалось только смириться с отсутствием ответа. Пусть творит свою магию, однако:

– Знаешь, кому-то важна физическая составляющая при прикосновении к чему-то новому. Ощущение тепла огня, прохлады весеннего воздуха, дыхания воды. Кому-то интереснее видеть, как под кистью распускаются необычные цветы-миры. Детали, изгибы, оттенки, полутона, штрихи и яркие, неприкрытые эмоции, что рождает душа творца.

Некоторым необходимо слышать. Стоны, слова, музыку, полноту истории на бумаге, понимаешь? – она оторвалась от картины, внимательно посмотрев на меня. Задумчиво хмыкнув, я кивнул, подталкивая её к продолжению.

– А я прочитала. В пыльном пособии по истории искусств, когда мне было лет семь, вроде... Пустую, механическую теорию, которая описывает, как создаётся это волшебство. Трактат о магии, облеченный в сухие тексты. О магии, которая сбивает дыхание, освобождает музыку и делает мир ярче, глубже и живее. Читала и не могла понять, как это может сочетаться? Пока не попробовала сама. Я как в омут с головой нырнула, и не дай бог мне остановиться и сделать вдох.

Резкие, быстрые росчерки маркеров в блокноте, нежность и чувственность акварели на бумаге, глубина и соблазнительность акрила на холсте. Я никогда не смогу насытиться искусством.

***

Я молча слушал её исповедь, наблюдая как на почти законченном полотне пара кружит свой безумный танец в лучах заката. Краска, которой руководит моя ведьма, дарит им порок и нежность, дыхание и движение, любовь и боль... Всё так прекрасно и естественно, как и её история. Осторожно, чтобы не спугнуть, подхожу вплотную, вдыхая лёгкий цитрусовый аромат, исходящий от её волос. Она полностью погружена в процесс. Задумчиво закусывает губу, прикрывает глаза и, как будто, светится изнутри...

– Кэтик, а ведь речь совсем не об искусстве, верно? – прошептал я, все больше погружаясь в её мир, что мягко затягивал меня, искренне беспокоясь о том, как бы не потерять нить доверия и полет мысли этой творческой особы.

– Совсем...

Тень

Вино переливалось внутри бокала, отражая языки огня из камина. Наши старые знакомые развалились у огня, ведя неторопливую беседу. Витиеватые речи демона смешивались с острыми шутками ведьмочки. Им было хорошо и спокойно в своём мире. Город засыпал, а их беседа всё больше походила на заговор.

Демон, нежно перебирая пряди волос своей заклятой подруги, неожиданно спросил:

– Вот кого ты видишь во главе государства, а? Скоро выборы, есть идеи?

Девушка поморщилась от политической темы, но ответила:

– Ну точно не мужчину. Лучше женщину. Они внимательнее, ответственнее, щепетильнее что ли...

– Например? Есть на примете достойные кандидаты? – усмехнулся мужчина, наблюдая за эмоциями на лице ведьмочки.

– Ну почему бы и не рыжую, небезызвестную своей волей и характером особу?

– То есть тебя, да?

– Именно! – гордо вздёрнув нос, согласилась она.

– А я смотрю, ты от скромности не помрешь... – прошептал рогатый, – Ну допустим, я решил выполнить желание моей госпожи и сделал тебя хозяйкой государства.

***

Я с предвкушением щёлкнул пальцами и помещение поплыло, меняя свои черты. Нет, мы так и остались лежать на ковре у камина, но что-то неуловимо изменилось, стало более вычурно и богато. Комната определённо поменяла статус.

Властно притянув девушку к себе, прошептал на ухо:

– Теперь ты хозяйка этих земель, Катэрина. И какой первый указ, моё бесшабашное величество?

– Серьёзно? – рыжая абсолютно не поверила в реальность происходящего, продолжая шутить, – Ой, а давай устроим саммит и всех неугодных сотрем с лица земли! Зря что ли в наших руках вся магия государства сосредоточена?

– Дура... – проворчал, целуя юмористку в шею.

– Сам такой! – промурчала она в ответ, – Или, например, заставим всех должников государства вернуть долги, это же как мы разбогатеем сразу. Ведущей державой станем!

– А мировая экономика тебе за это что скажет, м?

– Спасибо?

– Дура! – категорично заявил я, сгребая её на колени и закапываясь в волосы лицом, – Ещё идеи?

– Может хватит уже?! Ну, давай с простого. Простим кредиты и долги внутригосударственные, выделим хорошие стипендии на обучение, предоставим жильё малоимущим и молодым семьям, обеспечим рабочими местами нуждающихся?

– Идеалистка...

– Прозвучало, как дура. – обиженно пробурчала рыжая, пытаясь выскользнуть из объятий. Наивная, не отпущу:

– Так и есть.

– Всё! – девушка ещё немного покрутилась, устраиваясь поудобнее и затихла, – Не хочу больше главой государства быть! Тут одни проблемы и кнопкой или волшебной пилюлей их не решить!

– Ведьмочка моя, но ты же любишь балы? Красивую жизнь, дорогое вино и обожание вокруг своей рыжей персоны? – я с улыбкой заглянул ей в глаза, искушая эту вредину, – Заграничные поездки, новые знакомства?

– Ну... Мне это определённо нравится больше, чем настороженные селяне, – мурлыкнула она, проводя кончиками пальцев по шее. Сбивает это с мысли просто дико... Так, выдыхаем:

– Вот и сиди на троне ровно! С сегодняшнего дня на тебе правление торжествами и общение с высокими чинами, неугомонная моя, – рыкнул, когда её ногти впились в ключицу, – А дела государственные сам порешаю. У всех правителей есть тени, а я люблю сложные головоломки. Сыграем?

Обмен

Я стояла у окна, пытаюсь восстановить дыхание и унять дрожь в руках. Ненавижу! Я просто ненавижу эти дворцовые интриги. Верните мне мою метлу и домик на опушке леса! У-у-у-у, да я скоро на придворных бросаться начну! Дегенераты...

Закат раскрасил багряным все пики замка, а я мысленно представляла, как четвертую каждого неугодного и насаживаю его голову на пику, особенно ту дамочку в соболях. Ух, как от неё воняло смесью духов и немытого тела. А её скользкие речи о фаворитках моего демона? Дрянь! Да, я не умею отвечать на сплетни и вести провокационные беседы, скрытые кружевом сострадания, поэтому сбежала сославшись на дела.

Боже, ненавижу балы и праздничные ужины. И почему я считала это прекрасным времяпрепровождением. Действительно, дура! Всюду ложь, лесть и сплетни. Серпентарий высшего общества.

Вот пусть моя десница и развлекает гостей, хватит!

Платье скользнуло на пол и шпильки отпустили туго стянутые волосы, немного покружившись, я ощутила на коже дыхание ветра. Здравствуй, любимая стихия. Свобода...

Главный плюс королевских покоев – ванна. Большая, кованая, заранее наполненная горячей водой и пеной. М-м-м... Погрузившись в воду тело благодарно расслабилось, отпуская проблемы дня. Вторая неделя в статусе королевы и уже готова сбежать. Я слишком слабая для таких интриг. Если бы не Деймон, меня бы уже давно либо убили, либо отравили, либо сожрали.

– Похоже я попала в ад раньше срока...

– Возможно, но тебе нужно измениться, моё несносное величество. Кармен напела, что ты убежала после милой, светской беседы, – рогатый материализовался в кресле с бокалом вина, ничуть не смущаясь.

– Ах, Кармен! Вот и спи с ней! – выдохнула я, уходя ниже в воду. Бесит такая беспардонность, но кто я, чтобы указывать ему.

– Не злись, она просто провоцирует тебя. Тебя надо быть более стойкой, спокойной, рациональной, – эта зараза определённо наслаждалась своим положением в данной ситуации.

– Знаешь, я бы с удовольствием поменяла умение видеть тайные желания людей на хладнокровие. В этом месте мне было не так мерзко общаться с «прекрасными» дамами и их господами.

– Равноценный обмен, – хмыкнул демон, – а ещё не пристало Королеве бить по лицу глав соседних государств.

– Это он ещё мало получил, нечего меня зажимать и шептать всякие непристойности, – пробурчала я, наблюдая, как меняется выражение лица моего главного советника. Ишь, как скулы заострились и коготочки подросли. Любо-дорого посмотреть, – можно мне тоже вина?

Бокал появился в руке и на несколько минут в комнате воцарилась тишина.

– Иногда мне хочется изменить себя. Стать более сдержанной, хладнокровной, уметь оценить ситуацию и развернуть её себе на пользу. Не испытывать вину, мук совести, не чувствовать боль других. Жить для себя.

Деймон встал. Это плохо. Опасно. Он знает меня лучше других, чувствует все мои слабости и многое может сделать, стоит только намекнуть. Это пугает, и заворачивает одновременно. Я хочу быть такой же.

– Значит ты хочешь отказаться от себя, – шаг, – чтобы стать сильнее в глазах других? – шаг, – тогда будешь ли это ты?

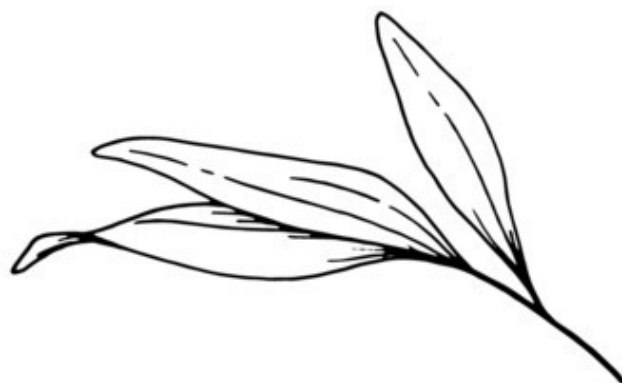
Он неожиданно оказался совсем рядом, так близко, что дыхание сбилось, а сердце потеряло ритм.

Демон!

– Если ты скажешь, я сделаю тебя такой, моя королева. Решение за тобой.

Слишком близко.

P. S. То, что произошло в ту ночь в королевских покоях, никогда не узнают ни придворные, ни слуги. Но каждый почувствовал, что королева изменилась. И это пугает.

Земфира Селезнева

Земфира Селезнева

Меня зовут Земфира. Родилась в Уфе и продолжаю жить там же. Я энергетик и психолог по образованию.

Люблю рукоделие, декупаж. Люблю учить тому, что умею и учиться чему то новому сама. У меня три чудесные дочки, уже взрослые. Они главное мое творение в жизни. Но теперь, когда они живут своей жизнью, у меня появилось время на себя. Давно мечтала начать писать рассказы и теперь стараюсь воплотить это в жизнь.

За порогом жизни

Вой сирены резал уши. Мне так хотелось попросить, что бы её заткнули, но сил на это не хватало. Два санитар в скорой, склонились надо мной. Один держал кислородную маску, второй капельницу.

– Да не довезем мы её, – сказал пожилой мужчина с грустными глазами, – видно же, что всё уже. Уходит...

– Михалыч, что ты такое говоришь?! Она же всё слышит!

– Всё хорошо будет, девушка, сейчас, потерпите немного, скоро уже доедем, – обратился ко мне молодой симпатичный санитар, – Гони, давай быстрее! – это он уже к водителю.

– Эх, Ванька, я тоже когда-то был оптимистом, но опыт не пропьёшь, – Михалыч махнул рукой.

Почему же мне совсем не больно? Я прислушалась к своим ощущениям. Вдруг стало так легко и спокойно. Я села на каталке и хотела отодвинуть руку молодого санитар, который прижимал маску, но моя рука прошла сквозь него. Я с удивлением посмотрела на свои руки, и поняла – что-то изменилось.

– Все, Ванька отпусти, ушла она, – услышала я голос старого Михалыча.

И тут всё закружилось у меня перед глазами, и я услышала нарастающий вой и потеряла сознание.

Очнулась в белом коридоре. Я сидела на скамейке. Вокруг была тишина и ни одной живой души.

– Где это я? Интересно... – задавала сама себе вопрос, ответа, конечно же, не было.

Странно всё. Если я умерла, то где все? Кто-то должен же меня встретить. Ну там, Ангел мой Хранитель. Или родня. Но никого не было. Посидев еще какое-то время, я всё же решила и пошла осмотреться. Коридор был длинный, по обе стороны были белые двери. Я попыталась открыть некоторые из них, но они были закрыты. И вдруг, где-то впереди, я услышала голоса. За дверью спорили два человека. Я, подождав пару секунд, постучала и приоткрыла дверь.

– Здравствуйте, Вы не подскажете где все? – робко спросила я.

За дверью была большая светлая комната, в которой находились двое мужчин. Они одновременно повернули головы в мою сторону.

– Вы откуда тут взялись? – с удивлением спросил мужчина в белой одежде. Ваша судьба еще не решена.

– Да, решена уже – Возразил второй, который был в черном костюме.

– Девушка, – обратился ко мне первый, – подождите, пожалуйста, в коридоре.

Я прикрыла дверь и прислонилась к стене. За дверью слышались голоса.

– Да ничего хорошего она больше не сделает, нет смысла её держать на Земле. Что ты вечно споришь со мной? За каждую душу бьешься как за свою!

– Отвечаю тебе, я знаю её потенциал. Она справится. Она многого ещё достигнет. Пусть поживет ещё лет шестьдесят. Ну, совсем же немного. Что ты уперся? Это же мой человек, я за неё и отвечу!

– Не знаю, не знаю. Столько прожила, а всё уныние сплошное и недовольство жизнью. Посмотри, сколько душ ждёт нового рождения, а места нет! И так все резервы использовали, земля перенаселена. А она всем недовольна, зачем место занимать?

– Я тебе обещаю, я с ней поговорю, всё исправится. Прошу тебя.

– Ладно, последний шанс и больше не проси за неё, я поставил на ее досье крестик. Сразу вылетит, без разговоров. У тебя минута на воспитание, время на реанимацию проходит.

Дверь открылась, и вышел мужчина в белом костюме. Вид у него был измученный. Я подняла на него глаза и спросила:

– Ты мой Ангел? Совсем я тебя измучила, да?

Он устало кивнул и прислонился рядом со мной к стене.

– Я все слышала и поняла. Спасибо тебе. А крылья у тебя есть? – Задала я неожиданный вопрос.

– Есть-есть, лети давай, время уходит, – улыбнулся мне мой Ангел, – Удачи! Не забывай сегодняшний день. Живи с радостью.

– Ванька! Не мучай её! Всё уже, время вышло! – сквозь шум услышала я голос санитара.

– Нет, не вышло! Смотри, у неё дрогнули веки. Гони, давай, она очнулась! Дыши милая, дыши! Такая красавица должна жить...

Через год, в том же составе мы неслись по ночному городу в роддом. Мой муж Иван, все подгонял водителя и успокаивал меня, что все будет хорошо.

И я ему верила.

Смех

Галина шла по парку, опустив голову, чтоб никто не видел её слез.

Шла, не разбирая дороги, по лужам, по мокрой листве. Она не замечала, что промокла уже до ниточки. Зонтик так и висел у неё в руках, больно ударяя по ноге при каждом шаге.

Что же могло случиться с молодой и вполне симпатичной девушкой, чтобы она впала в такое состояние? В том то и дело... ничего «страшного» с ней не случилось. Просто вся жизнь ей казалась пустой и никчёмной.

Галине не так давно исполнилось 30 лет. После того, как она справила юбилей, она впала в это пессимистическое настроение.

Как-то до этого она не задумывалась о том, что время безудержно стремится вперед, а у неё к этому возрасту нет ни семьи, ни детей. И хотя она живет в хорошей квартире, и ту ей оставили родители, перед тем как переехать в свой дом.

Галина работала в большой фирме, но должность, которую она занимала, не приносила ей удовлетворения, да и денег платили едва ли достаточно для жизни без излишеств. Девушка чувствовала себя машиной – не было радости и счастья и ничего не предвещало об их приближении.

– Что же делать? – думала Галина. Больше невозможно так жить... Отсутствие интереса к жизни, радости и смеха. Ощущение «Дня сурка», – Для чего нужно было заканчивать школу с золотой медалью и художественную с отличием? Для того, что бы сидеть в маленькой комнате и перебирать никому не нужные бумажки?

Ей казалось, что жизнь утекает сквозь пальцы... было обидно и грустно. Погода была солидарна с девушкой и оплакивала её жизнь.

В школе Галина мечтала быть архитектором или дизайнером. Ей с детства очень нравилось украшать квартиру всякими самодельными вещичками, и это у неё хорошо получалось. По крайней мере, все с удовольствием принимали в подарок её работы.

Когда она заикнулась родителям о своих планах, отец категорически не согласился с дочерью. Он стал с раздражением объяснять ей, что это не профессия – красить стены и таскать мебель, а они с матерью и так положили всю жизнь на её воспитание и не собираются содержать её до пенсии. Мама, обычно, права голоса не имела, и во всем соглашалась с отцом. Папа принял решение, что лучшей профессией для дочери будет бухгалтерия. Уж бухгалтеры-то всегда нужны, без работы дочь не останется.

Галине пришлось подчиниться воле родителей. Она с детства привыкла слушаться их и быть послушной милой девочкой, тогда её не ругали и, казалось, даже любили.

Семья у них была небогатая. Родители очень много и тяжело работали, чтоб удержаться на плаву. Пусть отец с матерью уже 10 лет как переехали в деревню, а девушка жила одна, но она всё ещё пыталась доказать всему миру, что она хорошая и её можно любить.

Вот только чаще всего все пользовались её добротой и использовали её безотказный характер в свою пользу. Сколько раз она оставалась на работе доделать дела подруг, которые побежали на свидание, или молодых мамочек, дети которых приболели? В офисе никто не мог даже предположить, что у Галины могут быть свои дела и планы.

Сегодня ей тоже пришлось остаться на работе, так как шеф потерял документы, а Галине пришлось их восстанавливать. Она не смогла пойти на джаз-концерт, билеты на который были давно куплены. Компания собралась хорошая, был там и парень который ей очень нравился. О встрече с ним она мечтала и готовилась несколько дней.

И вот теперь она шла по парку и плакала, благо, дождь спасал ее, скрывая слезы от прохожих.. Было обидно даже не то, что именно её шеф оставил после работы, а то, что она опять не смогла ему возразить и сказать о своих планах. Возможно, он и не стал бы её задерживать и отпустил вовремя, но она не осмелилась ему сказать об этом.

Галине казалось, что весь мир плачет вместе с ней.... Но тут она услышала смех..

«Кто может смеяться в такую погоду?» – удивилась девушка и остановилась.

За кустом сирени она увидела резную беседку. В беседке разговаривали пожилые мужчина и женщина. Мужчина сидел в инвалидной коляске, ноги его были укрыты клетчатым пледом. Они увлеченно разговаривали друг с другом, и их смех разносился по парку. От них шел такой позитив, что Галина не могла сдвинуться с места. Женщина оглянулась и увидела застывшую и мокрую девушку.

– Дочка, иди сюда, – позвала она ее. Галина подошла к беседке. – У тебя что то случилось, красавица? Почему ты плачешь?

Неожиданно для себя девушка рассказала все этой доброй женщине. Раньше она никогда не открывала свою душу людям.

Галина плакала навзрыд, уткнувшись лицом в ладоши. Тело её сотрясали судороги. Женщина обняла ее за плечи, утешая, словно родная мать.

Галина плакала долго, но после этих бурных слез, она поняла, что ей действительно стало легче. Наконец-то она успокоилась, хоть и иногда всхлипывала. Она обнаружила, что сидит на скамейке, крепко обняв незнакомую женщину. Мужчина деликатно отъехал в другой конец беседки.

– Вот и умница, успокоилась? Теперь давай с тобой поговорим. Ну, что ты так расстроилась? Посмотри на себя, ты же такая молодая и красивая. И я знаю, что в тебе есть такая сила, которая способна перевернуть горы. Ты только прислушайся к себе, что ты хочешь сама. Жизнь прекрасна и удивительна. Постоянно происходят чудеса – главное в это поверить! Вот скажи, что ты сейчас хочешь больше всего?

– Я не знаю, ответила Галина.

И это была правда. Она уже давно сама себе не могла ответить на этот вопрос.

– А ты хорошо подумай, из —за чего ты сейчас так горько плакала?

– От никчемности жизни, наверно....

– Да что ты, красавица! От какой никчемности? Ты же сама хозяйка своей жизни. Как ты захочешь, так и будет. Хорошо, давай решим, что ты не хочешь.

– Я не хочу работать на этой работе, – наконец, сказала, девушка.

– Отлично, – воскликнула женщина. – Очень хорошо! И кто тебя заставляет?

– Но мне же надо на что-то жить? – удивилась Галина, – Я же больше ничего не умею!

– Как это не умеешь? Ты же мне рассказывала, что мастерила своими руками, это-то ты умеешь делать? Начни вечерами заниматься любимым делом, походи на мастер-классы, найди единомышленников. Как только почувствуешь в себе уверенность – без сожаления уходи с этой работы. Не трать свою жизнь на то, что не по душе. Посмотри, как мир прекрасен! Вон и солнце улыбается тебе!

Галина оглянулась.

Действительно тучи расступились, и солнышко ласково и нежно грело девушку.

– Я не увидела сегодня Дмитрия, – вдруг неожиданно даже для себя, произнесла она.

– Ничего страшного, – обняла ее женщина, – Если он твоя судьба, он сам тебя найдет, не беспокойся. Беги домой, красавица! А то простынешь ты же вся мокрая. Главное помни – твоя жизнь в твоих руках. И только ты можешь решать, как ее прожить в страданиях и боли или в радости и счастье.

Галина шла по парку и улыбалась. Вроде бы ничего в её жизни не изменилось... Но появилась надежда, что можно что-то изменить, что не все в её жизни так безнадежно.

«Женщина в парке, боже мой! Я даже не узнала её имени!» – подумала девушка. Она ведь научила ее визуализировать то, о чем мечтаешь. И вот Галина шла и представляла, что обязательно встретит Дмитрия и все у них сложится хорошо.

Она вышла из парка и направилась к своему дому. Теперь ей казалось, что весь мир улыбается вместе с ней. Подойдя к подъезду, Галина увидела одиноко сидевшую на качелях фигурку. Что-то в облике молодого человека показалось ей знакомым....

Да, это был Дима, мокрый озябший с поникшим букетом...

– А я тебя тут жду... – улыбнулся он ей.

Роза

В полдень, как обычно, маменька позвала Володю прогуляться по парку. Стоял солнечный майский день. Володя бегал по парку с деревянной саблей, подаренной накануне папой. Мама с улыбкой наблюдала за сыном. Это был очень красивый, энергичный и жизнерадостный ребенок шести лет. Володя бегал по парку, смешно размахивая саблей. Его светлые кудряшки так и подпрыгивали пружинками при каждом взмахе руки. Прогоулявшись по ухоженному парку, они решили пойти к озеру, которое находилось в старой части сада. Здесь царил запустение, руки садовников давно уже не доходили до этого уголка, но в нём было очарование старины и покоя.

Володя бегал по саду, изображая из себя кавалериста. Вдруг он вскрикнул и присел. Мама тут же подбежала к нему.

– Что случилось, сынок?!

– Меня поцарапала эта ужасная колючая шишка! – вскричал Вова.

– Я её сейчас уничтожу! – и взмахнул саблей.

– Подожди, сынок, – остановила его мама, – это же роза!

– Ну и что! Она некрасивая и колючая! – вскричал ребенок, – И она так сильно меня поцарапала!

– Не торопись, малыш, не делай поспешных выводов. Давай лучше договоримся с тобой так. Мы будем каждый день приходить и наблюдать за цветком, но сначала надо ему помочь.

– А как мы можем ему помочь, мамочка?

– Нужно убрать сорную траву, которая мешает ему расти, взрыхлить землю и полить цветок водой.

И они занялись делом, Володя так увлекся предложением мамы, что первым бежал в сад к своему цветку. Садовник сделал для него маленькую лопатку и грабельки, и Володя с удовольствием ухаживал за цветком. Роза с благодарностью откликнулась на его заботу. С каждым днем росток раскрывался всё сильнее и сильнее. И вот, в один из прекрасных солнечных дней маленький садовник увидел вместо бутона шикарную красную розу. Цветок расправил все свои лепестки. Капельки росы сверкали бриллиантами на солнце. Аромат стоял такой, что кружилась голова. Володя стоял у цветка и изумленно глядел на него.

– Маменька, посмотрите, как он прекрасен!

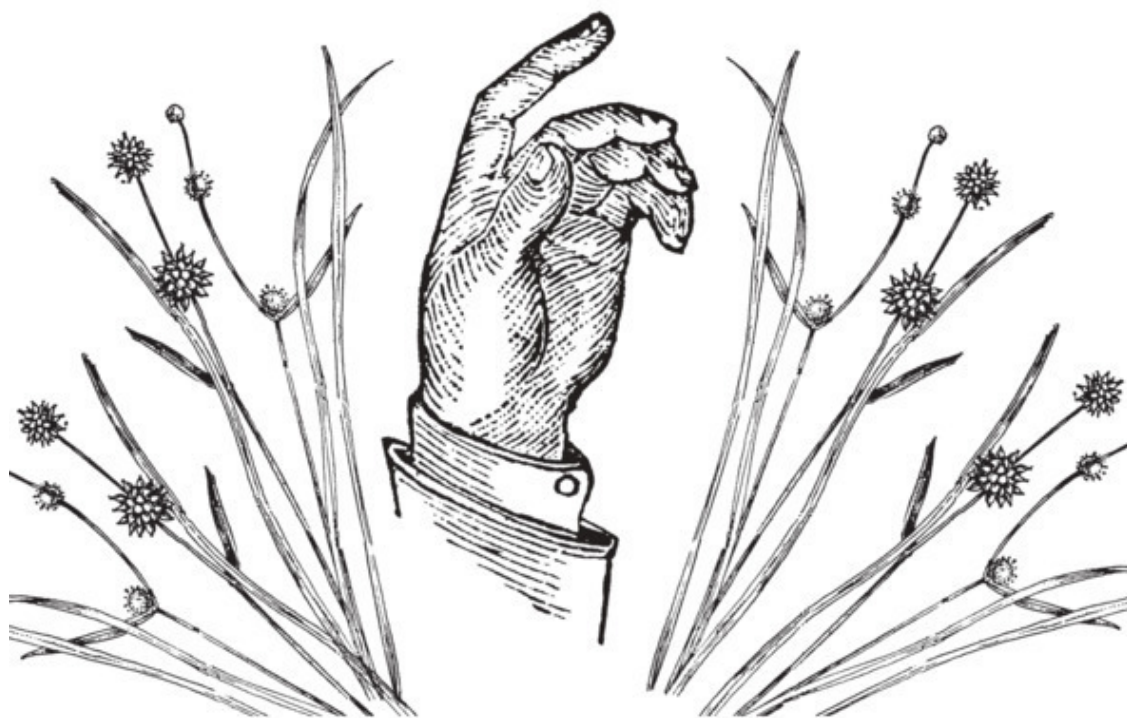
– Да, сынок, это самый красивый цветок на земле, если за ним ухаживать и любить его, он будет благодарен и расцветет для тебя во всей красе. Нужно только иметь терпение. Никогда не делай поспешных выводов, сынок! Так же и люди. Если ты будешь любить близкого тебе человека и заботиться о нем, то он откроет для тебя душу и сердце и тоже будет любить тебя и жить ради тебя.

– Я понял, мама! – серьезно сказал малыш, любуясь своим цветком, – Я постараюсь дарить любовь и заботу!

– Какая же ты у меня умница! – воскликнула мама, и поцеловала Володю в его кудрявую макушку.

Алексей Румянцев

Алексей Румянцев

Меня зовут Алексей Румянцев, пишу в основном стихи. Стихи, как правило, под псевдонимом Алексей Ру или AlekseyRu, или под своим именем. Короче я не особенно с этим заморачиваюсь. Пишу давно, пишу всегда, пишу везде, но записываю редко. О себе рассказывать не люблю и не умею толком. Мои стихи, это в основном лирика, редко философские изыски или юмор. Много сочиняю коротких стишков, но они улетают безвозвратно. Если видите в моём стихотворении второй смысл, то он порой и есть правильный для меня, но не всегда. На заказ не пишу, пробовал, но не люблю их даже спустя время. Это вроде поздравительных открыток получается, прочёл и выкинул. Пишу не автобиографично, поэтому не стоит примерять мои творения на меня, это скорее собирательные образы, иногда конечно и прямо мои. Но так или иначе всё пережито. Надеюсь вам что-нибудь понравится; заходите, делитесь, критикуйте, хвалите, буду рад!

#AlekseyRu

Волшебная лампа

1. Ожидание

Сотни лет заточён. Пустота, тишина и мрак.
По каким же заслугам, я заперт в такой тюрьме?
Стены очень крепки, невозможно сломать, никак.
Я забыт и оставлен, и заперт в кромешной тьме.

Кто решил, что виновен? Кто меряет мой удел?
И когда выйдет срок? Постучится ли он извне?
Я привык к темноте, эта сажа белей, чем мел.
Я внутри этой лампы, а лампа живёт во мне.

Как попал я сюда – не знаю, не знаю – когда уйду,
Знаю только лишь цель – три желанья. И я спасён,
Бесконечно могуч, могу с неба достать звезду!
Только лампою этой, проклятой, связан и обречён.

Ждать хозяина, искупленья, к свободе врат.
Эти стены так давят, мне хочется видеть свет.
И понять, кто судил и решил, что я виноват.
Ожидать в одиночестве, многие сотни лет.

Я почувствовал вдруг пустоту, словно мира нет,
Там, за стенами лампы, совсем ничего, совсем.
Только тьма непроглядная или, быть может, свет.
Ни домов, ни людей, ни земли, ни морей, ни тем.

2. Освобождение

Пустота снаружи, и я внутри,
Обречённость, тебя угадаю,
Молчанье впрок.
Темнота безумная... посмотри,
Сотни лет страдаю,
За что урок?

Не ответит. Но, кажется, тишина,
Нарушается кем-то,
Я слышу звук.
Словно нить надежды, верней, волна.
Так отчётливо стены
Сжимают вдруг.

Кто-то тронул лампаду,
Под ушком тёр,
И неведомой силой
Я вышел вон.
Только свет...
И свет я краду, как вор!
И внутри понимаю,
Ведь это он!

Я готов! Что надо?
Любой каприз!
Я твой раб,
Всё исполню,
Дай только знак.
Изумруды, золото,
Верх и низ,
Бесконечная жизнь
Или герб и флаг.

Что угодно, приказывай,
Я готов.
Всё, что хочешь,
С любых концов
И любых дорог.

– Ты свободен,
– обычный порядок слов, —
Ничего не нужно,
Ведь я же Бог.

3. Свобода

Я свободен, свободен, освобождён!
Я очищен, отпущен. Я вольный дух.
Я помилован Богом, был им пленён,
И я зрение, осязание, слух.

Бесконечность вселенной, где Бог и я,
Мне не вынести. – Для чего, скажи,
Оттуда выпустил ты меня?
– Ты сам ответишь, ведь это жизнь.

Я на тебе гадаю, как на картах

Я на тебе гадаю,
Как на картах таро,
Но я всегда Повешенный,
А ты – Королева чаш.
Но жалости твоей
Гнетущее серебро,
Не сможет снова склеить
Разрушенный мир наш.
Я не жалею о днях,
О часах, годах...
Всё, что случается, нужно,
Верней, дано.
Зачем считать сколько шея минула плах?
Ведь, если глаза закрыты – всегда темно.

Пусть утро танцует снова лихой чардаш,
Качни, уходя,
Я повешен в твоей петле.
Но ты всё так же упряма,
Моя Королева чаш,
А я, как на картах,
Гадаю, опять, по тебе...

Четыре сольдо

В мире глупости много и мало совсем любви,
А, значит, теперь и мне больше здесь не место,
Четыре сольдо всего, купите живое сердце!
А если нет четырех, то, возможно, отдам за три.

К чему этот жар, если холодно всё вокруг?
Невыгоден глупый расход тепла с ним, и жизнь уходит,
А мозг в голове от излишнего жара бродит,
Четыре сольдо всего, и не бойся, что купишь с рук.

Горячее сердце, ведь, не азбука, не колпак.
Оно живое ещё и бьется, и страстью пышет,
Я бы оставил его себе, но к чему?..
Не слышит.
Оно не нужно ей стало, такой вот печальный факт.

Четыре сольдо и примет к себе Карабас,
Я стану самой послушною куклой в труппе,
Спешите люди! Неужто никто не купит?
Четыре сольдо всего, и верное сердце у вас!..

Знаешь...

Знаешь, давай погрустим.
Просто так, ни о чем,
Просто уставшие люди в холодную осень,
Просто о том, что дороги снег робкий заносит,
Ты о своём погрузи, ну, а я о своём...

Знаешь, давай помолчим,
просто так помолчим!
Слышишь, как наша планета летит по вселенной?
Пусть оттого, жизнь покажется глупой и тленной,
Только её не любить я не вижу причин...

Знаешь, давай убежим,
ото всех убежим!
Вдаль без оглядки, туда, где теплее рассветы,
Там где еще не остыло прошедшее лето,
Там, где любовь- это чувство, а вовсе не «дым».

Знаешь, давай все прощать,
все друг другу прощать.
Не запинаясь, заранее, с чистой душою,
Кажется мне, что от этого очень большою
Наша любовь непременно должна будет стать.

Меня манила тишина...

Меня манила тишина,
Плотнее закрывая двери.
Молчал, подсчитывал потери,
Вдыхая полночь у окна.

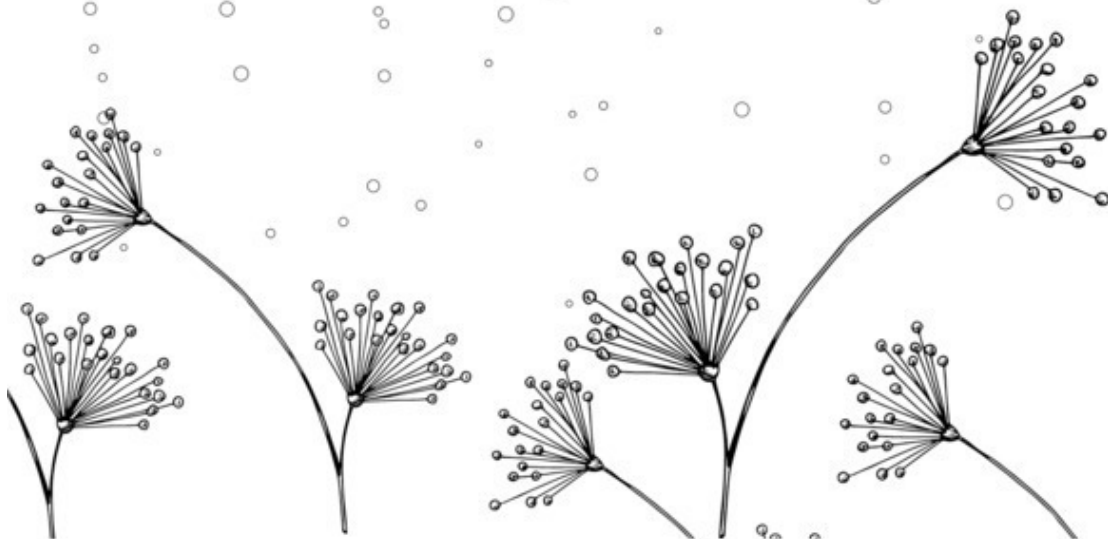
Там шло вчерашнее кино,
И месяц, облака качая,
Просился выпить кружку чая,
Просунув голову в окно.

Мы подружились. Заварил,
В глиняном чайнике пузатом
Он пил, сказал что был солдатом,
Потом о разном говорил.

Не помню толком разговор,
Как он ушел, собравши звезды,
Углом их поддевая острым,
Словно лихой багдадский вор.

А я остался и смотрел,
Как бог неспешно утро создал,
Скучал по месяцу и звездам
И спать хотел.

Александра
Пушкина

Александра Пушкина

Саша Пушкина – имя паспортное. Писатель – хобби перманентное. Мои рассказы побывали в трёх печатных сборниках, два из которых издавало Эксмо. Недавно через Ридеро издала свою первую книгу в жанре фэнтези young adult. В стандартные издательства не пошла сознательно. Пока.

Пишу фэнтези, фантастику, сказки, попытки в стим-панк, стихи и всякую ламповость вроде «За две чашки чая». Стихов в этот раз не будет, остальное – в наличии. Найти меня и мои истории можно в ВК, на Ридеро, Литресе и АТ. Штормлю, учу, прокрастинирую. Населяю Санкт-Петербург странными существами и легендами.

Иногда делаю вид, что циник, но в душе романтик дружбы во всех её проявлениях. Только не говори мне про любовь – про неё и в неё мало кто умеет без пошлости и дури, поэтому эта тема здесь мимо. А вот если ты любишь космос, магию, горящие глаза и небезразличных людей, тех, которые с большой буквы, тебе у меня вполне может понравиться.

Так что проходи. Чашечка терпкого кофе с корицей, или бокал глинтвейна, уютный плед, кресло качалка, и погружение в иные миры – идеальное занятие на вечер, не находишь?

Прыгуны

Карл сидел в душевной палатке. Вокруг пели птички, шумело озеро, кроны деревьев мягко трепыхались на ветру, но профессор Вульф-Штейн не мог насладиться природой в полной мере, здесь он был по делу, а не ради прогулок, работы было еще слишком много. В ногах у профессора мирно гудел портативный ускоритель квантовых частиц, подключенный к обыкновенному ноутбуку, который стоял у Карла на коленях. Остальная часть палатки была заставлена различными трубками, ловителями антиматерии, отражателями, стабилизаторами и прочей атрибутикой научного мира. В центре всего этого нагромождения возвышалось самое обыкновенное зеркало.

– Запись №1735. – забормотал профессор, включая диктофон. – используя преобразователь Тахионных частиц, я создам подвижный поток фотонов, направив его на зеркало, я смогу сгенерировать точную копию своего потока за счет преломления света. Данное столкновение приведет к открытию «червоточины», которая доставит меня до ближайшего зеркала. Далее, при помощи изобретенного мною портативного прибора, который я назвал «ловцом», я смогу собирать последующие зеркальные потоки и генерировать новые червоточины, до тех пор, пока я не доберусь до места назначения. При проделывании обратного пути мне не понадобится создавать фотонные потоки зеркальных отражений, достаточно будет переключить ловца в режим «Реверса» и пройти по квантовому следу червоточин, оставленных ранее.

Карл остановил запись и направил тахионный преобразователь на зеркало. Палатку озарила яркая вспышка, и прямо перед ученым образовалась, колеблющаяся на воздухе, пространственная брешь голубого цвета. Вульф-Штейн незамедлительно шагнул в нее и оказался в старом деревенском домике перед грязным пыльным зеркалом. В ладони пикнул ловец, принявший квантовый поток и запомнивший новую локацию. В углу перед иконой молилась сморщенная пожилая женщина в платочке. Она была настолько поглощена своим занятием, что даже не заметила, что в доме появился кто-то еще. Червоточина осыпалась на пол и исчезла, однако ее квантовый след продолжал пульсировать в воздухе. Подобные энергетические отгиски могли сохраняться до трех суток, но и после этого их можно разбудить, если в помещении не было значительных перестановок, и частицы не растащило по нему. Карл решил не пугать бабушку. Он переключил устройство в обратный режим, направил его на зеркало, открыл новую червоточину и вернулся в свою палатку.

– Запись N1736. – заговорил профессор Вульф-Штейн, снова включая диктофон. – пробный прыжок прошел успешно: червоточина открылась и доставила меня до ближайшего зеркала, все устройства работают нормально, с возвратным прыжком тоже проблем не возникло. Теперь попробую посетить несколько локаций.

Профессор снова открыл червоточину и вернулся в бабушкину избушку. Ловец пикнул, Карл направил его на зеркало и открыл следующий проход. На этот раз он оказался на деревенской свалке, видимо кто-то выбросил сюда зеркало. Следующий прыжок, и он в местном кинотеатре, еще один, и Вульф-Штейн попал на чердак заброшенного дома.

– Достаточно. – сказал Карл, переключил прибор и отправился в обратный путь. – Запись 1737. – продолжил он, вернувшись в палатку. – второе испытание прошло успешно. Теперь я готов совершить путешествие до заданной цели, для этого мне будет необходимо синхронизировать ловца с устройством GPS. Сейчас я нахожусь в России: в районе Ильмень озера, мой ассистент Глен Эриксон будет принимать меня в Берлине. Зеркал по пути много, поэтому дорога может занять длительное время.

На всякий случай я установил перевалочные пункты со всем необходимым оборудованием в Москве, Смоленске, Минске, Варшаве и Франкфурте. Выдвигаюсь завтра утром! Карл отложил диктофон, закрыл ноутбук и вышел из палатки. Ему нравилась Россия. Только в этой

стране можно найти девственные заброшенные уголки, далекие отчеловеческой цивилизации. В Европе каждый участок территории был задействован под что-нибудь, в России же оставались немеренные гектары пустых земель, слишком пустых! Порой у Карла складывалось впечатление, что страну для кого-то освобождают. Профессор Вульф-Штейн искупался в озере и отправился спать. Утром его ждало трудное путешествие. Примерно часов в пять по Германскому времени он связался с Эриксоном.

– Я выдвигаюсь. – сообщил профессор. – готовьтесь принимать посылку.

– Всегда готов! – ответил ассистент. Карл подсоединил ловца к ноутбуку и составил приблизительный маршрут от своего места нахождения до лаборатории в Берлине.

Перенес координаты в навигатор, соединил два прибора, водрузил на плечи рюкзак с приборами и отправился в путь. Квантовый след вчерашних червоточин еще не остыл. Вульф-Штейн прошел по ним и отправился дальше. Несколько раз он наткнулся на людей, которые крутились перед зеркалами. С теми, кто казался ему адекватным, он объяснялся, от других просто сбегал. В большом городе начались проблемы. Так как работающие веб- и фронтальные камеры тоже испускали фотонное излучение, червоточины открывались и перед ними. По сети поползли слухи о загадочном зеркальном прыгуна, которые намного опережали самого профессора.

Московские студенты физики сумели рассчитать, когда и где появится профессор и устроили ему пышную встречу. Остановившись на Московской базе, он немножечко перенастроил приборы, чтобы они улавливали лишь чистые фотоны, без примесей электроники. Камер стало меньше, однако полностью эту проблему он так и не смог решить. Да и с зеркалами в городах было трудно, они стояли практически в каждой квартире, а где-то и не одно. До Берлина Карл добирался более десяти дней, ночевал либо на своих перевалочных базах, либо у добрых понимающих людей.

Общественность внимательно следила за похождениями таинственного прыгуна. Люди уже не шарахались от зеркал, как первые сутки, напротив, ждали гостя и старались всячески помочь. Некоторые обижались, что профессор запрещал с ним фотографироваться, чтобы не сбивать фотонный след. До Берлина Карл добрался совершенно вымотанным. Рассказал Глену о всех своих наблюдениях, приказал привести записи в порядок и отправился спать.

– Значит червоточину можно открыть от простого Селфи! – усмехнулся молодой человек. С экрана Айфона на него смотрело лицо девушки – девушки, которая предпочла ему его младшего брата. Глен спрятал в карман ловца и тахионный преобразователь и тихонько выскользнул прочь...

***

На мосту, держась за руки, стояла молодая пара.

– Какая красивая сегодня ночь. – сказала белокурая девушка. – очень яркая и звездная. —

– Ты выйдешь за меня? – с надеждой спросил парень.

– Конечно. – ответила девушка.

Он привлек ее к себе, и они поцеловались. На небо выплыла яркая желтая луна.

– Вау! – воскликнула девушка. – Давай скорее сфотографируемся на фоне такой красоты! – она крепче прижалась к любимому и включила камеру на смартфоне.

В тот же миг позади них открылась червоточина. Оттуда высунулась чья-то жилистая рука и втащила молодого человека внутрь.

– Эрни! – взвизгнула девушка. Глен Эриксон переключил прибор на реверс и отодвинул его от зеркала заднего вида в своем автомобиле.

– Ну здравствуй, братец. – сказал он, поворачиваясь к тому, что выплюнула червоточина. – Помнишь? Я обещал тебе, что вам не быть вместе. Поехали со мной, я покажу тебе зазеркалье!

Телефонистка

Как часто между двумя судьбами на разных концах телефонных трубок оказывается лишь недобросовестный провайдер и оборудование. Как часто – добросовестный, и тоже оборудование. Иногда между ними могут оказаться «жучки» и кто-то ещё. Кто-то, чья работа – слушать, делать выводы, и может даже действовать.

А изредка между ними оказываюсь я.

В полумраке коммутаторной, где мигают разноцветные огоньки входящих и исходящих, а на узкой столешнице под старой настольной лампой стынет бессчётная чашка кофе, я одна. Я давно осталась тут одна. С тех пор, как на смену не вышли мои коллеги. С тех пор как...

Звонок.

Они всегда мигают ярко-жёлтым, сильнее прочих, которые мне не нужны. За секунду до того, как станет поздно, я соединяю тех, кто мог не ответить, не увидеть, забыть. Иногда это греет. А иногда я гадаю, когда же меня отпустят на заслуженный покой.

Отточенным за годы работы движением втыкаю нужный конец провода в положенное гнездо. Гудки прерываются расслабленным женским: «Аллё!»

Можно снять наушники и отхлебнуть немного кофе. Я снова сделала это – соединила тех, кто мог разминуться в бесконечной веренице дел. Но тишина в трубке на другом конце напрягает не только моего абонента:

– Аллё! – повторяет она уже громче. – Это кто?!

Тишина.

– Аллё! Вас не слышно! – наконец, она решает прекратить борьбу за неизвестный звонок. – Перезвоните позже, пожалуйста.

Я слышу короткий выдох с другой стороны, прежде чем гудки прерывают не случившийся диалог. Как же так?! Я тут стараюсь! Ночами, понимаешь, не сплю, питаюсь какой-то дрянью, только чтобы успеть их соединить, а он, зараза, молчит!

Хотя... вспоминаю, как сама боялась начать разговор. Сначала с любимым мужчиной, и тогда нас выручила его уверенность, потом... годы спустя, с той наглой девицей. Теперь они оба всего лишь часть моего прошлого, о котором напоминает поблёкшая фотография в рамочке под лампой.

Снова мигает. Не глядя, втыкаю провод.

– Аллё?!

Оп-па! Тот же голос! Неужели сверху решили дать им ещё один шанс? Редко у меня встречаются повторные звонки.

– Садовая, десять, – раздаётся вдруг хриплый мужской шёпот с другой стороны. – Остановка у кофейного ларька. Ты всегда там в шесть сорок. Я жду.

– Что? Вы кто?! – страх и щетина из иголок.

Звонок обрывается.

«Что это?! Что происходит?! Я же должна соединять судьбы! Ну, то есть, не так!»

Я чувствую, что здесь что-то не так... да всё не так! Сердце начинает прыгать в груди быстрым резиновым шариком. Делаю глоток холодного кофе, не замечая вкуса. Кидаю рассеянный взгляд на фото, где улыбаются худошавый шатен в кепке и свитере и пышечка-блондинка в сером плаще и берете. За ними осень, перед ними – немного любви и чужой ребёнок. Но тогда... тогда им ещё было хорошо вместе. Нам было. Мне.

А я... взяла, и сама всё испортила. И вот, снова порчу. Только не свою жизнь, а чужую. Вскиваю. Но куда я пойду? За дверь – тёмная муть и, шаг туда, говорят, смертелен. Окон-

чательно смертелен. Иногда я подумываю и об этом, но не сегодня же! Надо же что-то делать! Только что? Сама я позвонить отсюда не могу...

Я только соединяю. Вот и ответ! Не соединять их больше! Запомнить номер и не соединять! Умница! Нет, погоди... он же всё равно знает её маршрут! Значит, ему не нужен телефон. В душе всё холодеет. А вдруг он вообще больше не позвонит? Вдруг она решила, что это глупая шутка и пойдёт снова на чёртову остановку? А вдруг... сердце замирает на миг. Вдруг и правда шутка? А я тут мечусь.

Но нехорошее предчувствие саднит в груди. Слишком уж неприятная шутка. И зачем тогда я?

– Зачем вообще мне перевели этот звонок?! Слышишь?! – кричу я в вентиляцию. – Я же здесь для того, чтобы делать добро! Я не хочу соединять маньяков с жертвами! Эй!

Вентиляция молчит.

Зато щёлкает давно молчавшее радио, тихонько воспроизводя «I believe» Джеки Блейза. Музыка немного успокаивает, но беспокойство не уходит совсем.

Жду.

Пять часов. Шесть. Гляжу на правую панель, но там всё так же перемигиваются не мои звонки. Шесть тридцать. Или всё случилось. Или...

Мигает. Жёлтый сполох бьёт по глазам. Кидаюсь к проводу. Секунду колеблюсь, запоминая цифры, но втыкаю его в гнездо.

Гудки. Она не хочет брать? Или не может? Я бы на её месте так и не решилась больше взять трубку. Гудки прерываются, и я слышу, как она неровно дышит в трубку.

– Ты не пришла. Я недоволен, – его голос будто заражён гнилью. – Завтра на Центральной. Ты выйдешь из розового здания с белыми вставками, в своей красной куртке. Я буду ждать.

– Не звоните мне больше! – она явно срывается, но пока держится на краю страха. – Иначе я звоню в полицию!

Он сухо хмыкает:

– Завтра на Центральной. Если скажешь кому-то ещё, у твоей милой чёрной кошки появится лишняя улыбка и она закрасит твою подушку красным.

Кошачья жизнь за человеческую? Пфф! Да невелика жертва! Но женщина на том конце провода всхлипывает:

– Не надо! Не трогай Ксюшеньку!

Я не в силах больше это слушать. Выдёргиваю провод. Теперь я знаю его номер. Но что мне с этим делать? Если бы я знала чей-то ещё номер, кого-то, кто мог бы что-то сделать... Но, и что? Что тогда? Я как-то пыталась отсюда позвонить. Ничего не вышло. Отсюда невозможно дозвониться.

Только соединять. Я смотрю на уютно мигающие лампочки чужих разговоров. Я могла бы соединить с ними третьего. Я так уже делала... в другой жизни, или просто... в жизни. Только вот... кого? Поймав за хвост безумную мысль, начинаю по очереди втыкать свои наушники в свободные разъёмы рядом с огоньками чужих разговоров:

«...ты уроки сделал?»

«Внуки разъехались, Машенька теперь в Москве...»

«Да чё с ней будет-то, Колян? Бросай!»

Я втыкаю и выдёргиваю разъём с такой скоростью, как никогда прежде. Столько судеб, столько разговоров. Жизнь, которая потоком течёт мимо меня. Но я не сдаюсь. И наконец...

– Следователь не следователь, а я, сам понимаешь, за каждым щипачом не набегаюсь, подавай заявление... – отчитывает кого-то спокойный густой бас.

Судорожно запоминаю номер. Зелёный исходящий, красный – входящий. Мне нужен второй. Хорошо, что на цифры у меня неплохая память.

Осталось только дожидаться.

В одиннадцать утра он снова звонит. Жёлтым семафорит лампочка моего соединения. Этот номер я уже хорошо помню. Прости, милая, но тебе нужно ещё немного потерпеть. Она берёт трубку и тихо просит его прекратить. Он её сломал... Он торжествует, вновь напоминая жертве о том времени, когда будет ждать её у выхода с работы.

Ещё не зная, сработает ли, я втыкаю третий проводок туда, где вчера неизвестный разговаривал со следователем. Этот слот не относится к его номеру. Здесь происходило и ещё произойдёт множество других разговоров, но я мысленно прошу: «Отче наш!..»

И внезапно слышу в наушниках знакомый бас: «Да, слушаю!». Моментально перекидываю другой конец проводка в свободный слот «моего» разговора. Надеюсь лишь на то, что этот следователь не спугнёт вопросами маньяка или не повесит трубку. Но нам с женщиной несказанно везёт. Потому что она плачет, а мучитель вновь напоминает ей про кота. Третий в этом разговоре, не зная, что на самом деле он четвёртый, молча слушает.

И когда на проводе остаётся лишь обессиленная рыдающая жертва, неожиданно мягко спрашивает: «Девушка, вы сейчас где? Я из полиции и могу помочь».

Мне кажется, она что-то ему отвечает, но для меня этот разговор окончен. Я сыграла свою роль. Можно вновь выпить немного остывшего кофе.

Дверь коммутаторной хлопает и на пороге, стряхивая с зонта дождевые капли, появляется тётушка лет пятидесяти в тёмной длинной куртке-плащовке, с кокетливо-розовой косынкой на волосах:

– Ну что, заждалась? Мне говорят – подменить надо. Коллега давно в отпуске не была. Оой, что за старьё тут у вас! – она по-хозяйски отставляет зонтик-трость в угол.

– Работает, – ошарашенно улыбаюсь я.

– Вижу, что работает... ну, иди-иди. Разберусь. Я ещё в семидесятых связь в посёлке налаживала. А ты уже насиделась. Там, говорят, ребёнок какой-то... то ли твой, то ли родственников... иди, в общем! Только это, будешь проходить мимо кадров, скажи, чтобы чаю мне принесли. Я кофе не пью. Желудок у меня.

Пытаюсь понять, шутка это или реальность. С опаской приоткрываю дверь. Пыльный коридор и никакой мути. Крадусь вдоль стены. Охранник на выходе приветливо кивает мне головой. Будто в странном сне вспоминаю, что кое-что забыла. Оборачиваюсь:

– Там... женщина... новенькая. Чай просила...

– А! Хорошо. Ты иди, я передам! Только дождь ведь на улице. На-ка, вот. – он протягивает мне старый чёрный зонтик.

Манхэттен пахнет свежестью и выпечкой из ближайшей булочной. Распахиваю зонтик, отгораживая себя от стены дождя. Засовываю свободную руку в карман плаща. Нащупываю твёрдый плоский квадратик.

«Эмбер, я жду ребёнка от Стью. Пожалуйста, отпусти его. Саманта».

Сердце ёкает. Неужели мне вернули мой шестьдесят первый?!

Что ж. Теперь я всё сделаю правильно. Я не стану утаивать от Стью эту записку. Не уговорю его рвануть в далёкий Деловер. Я снова соединю жизни. Целых три.

Ткачи и драконы

Адриан был необычным драконом. Пожалуй, даже бракованным.

Когда часы на городской ратуше пробили полночь, он снова упал с колокольни Святого Марка в паутину скудно освещённых сырых улиц города. Пару секунд своего падения он чувствовал, как распахиваются рудиментарные крылья, а потяжелевшее тело с колючими наростами рвёт невидимую паутину. Только здесь, да, пожалуй, над ратушей небо Гроххе оставалось чистым.

Ткачи приговорили город седмицу назад. Адриан точно не знал, за что. Но старая Амелинда, жившая в ветхом домишке по соседству с гильдией плотников, зло плевала в сторону квартала алхимиков, пророча городу гибель от их богопротивных фокусов. Да и горожане шептались, мол, грамотеи что-то наизобретали такое, что Ткачи уже не раз выпускали в небо стаи красногрудых воронов. Которые, как известно, сами по себе предпочитают уединение. И только те, что становятся глазами и ушами высшего суда, окрашивают небосклон в чёрно-красный.

Уже лёжа на мокрой булыжной мостовой, Адриан почувствовал, как сырость пропитывает рубаху и штаны, тяжёлым холодом липнет к телу. Как ему удавалось сохранить одежду, вновь став человеком, юный плотник не понимал и сам. Зато дышать стало куда легче. Паутина Ткачей лишала обречённый город красок, радости и, похоже, кислорода. Амелинда рассказывала детям и желавшим её послушать прохожим, что раньше с Ткачами могли померяться драконы. Они сжигали невидимую паутину дотла. За что и были изгнаны в края совершенно неведомые. Все до единого. В конце концов, кому понравится, что кто-то нарушает закон?

Как выяснилось, изгнали всех, кроме Адриана. Он не исключал, что это из-за его неправильности. Огнём не дышал, крыльев для нормального полёта не отрастил. Туша тушей. Только и мог, что падать в паутину Ткачей и рвать её. Плотник с кряхтением поднялся и бросил взгляд на колокольню. Почему-то самые высокие городские строения оказались выше липкой невидимой дряни. Так, собственно, и обнаружилось, что Адриан не просто паренёк из рабочих кварталов. Когда дышать стало совсем уж тяжело, а выйти за городскую стену помешал страх объяснений с городской стражей, он полез на самый верх колокольни. Благо, воспитанника местного монастыря знал служба, сонно подивившийся его приходу.

На самом верху немного полегчало, и нечистый дёрнул плотника полезть на узкий карниз, цепляясь за перила. Утренний туман притупил чувство опасности и оставил мокрые следы на камне и поручнях. Неверно вставшая нога, потерявшие опору пальцы. Резкий острый ужас от живота к голове. Тогда впервые распахнулись над Гроххе куцые крылья изменившегося Адриана. А юноша впервые почувствовал, как рвутся податливые липкие нити. Летать он не мог, но и разбиться другая ипостась не позволяла.

Дома, в узком приземистом оконце горел неяркий свет.

«Неужели не спит?» – мелькнула паническая мысль.

Первый мастер гильдии плотников, приёмный отец Адриана, Иво, сильно не любил поздних отлучек своих мастеров и подмастерий. Черноволосый и будто весь покрытый коркой ороговевшей кожи, он всегда внушал неподобающим священным трепет, хотя редко поднимал на кого-то руку. Одиннадцать лет назад он заметил смышлёного рукастого пятилетку среди воспитанников монастыря и забрал его к себе.

В маленьких сенцах Адриан замер, пытаясь определить, слышал ли Иво, как легонько скрипнула входная дверь. Но, похоже, отец не дожидался его. Кисловато и пряно пахло пивом. В кухонном закутке шёл приглушённый разговор двух мужчин.

– Иво, – произнёс незнакомый хрипловатый голос, – нам нужно укрыть Дервиг до поры. Ты не хуже меня знаешь, что Ткачи не чуют сквозь дерево.

Адриан забыл, как дышать – вот оно! То, из-за чего Гроххе обрастает паутиной, которую он рвёт через ночь.

– Вы и так уже деревом обложились, как святоши ладаном! – как мог тихо рыкнул в ответ отец. – А толку? В городе беспокойно – Ткачи явно уже идут по вашу душу, судя по красногрудым. Если уже не пришли. Что за дрянь этот ваш Дервиг?

Юноша давно заметил, что борьба с паутиной и ощущения удушья – в основном его «привилегия». Хотя порой ему казалось, что старая Амелинда тоже всё это чувствует.

– Это портал, – почти прошипел ночной гость, – на Ту сторону.

– Какую «ту»? – недовольно буркнул отец, и, судя по бульканью, приложился к своему пиву.

– Ту, где вольный ветер, живут драконы, и нету власти Ткачей! – даже шёпот не смог скрыть радостного возбуждения в голосе собеседника. – Иво, ты же понимаешь, что это значит? Дервиг стоит того, чтобы рисковать!

– Целым городом?! – стукнул кружкой о столешницу отец. Он тут же будто спохватился, потому что наступила тишина.

Адриан тоже превратился в статую, боясь шелохнуться или вздохнуть.

– Даже страной, если понадобится, – прошипели в ответ. – Сколько жизней мы спасём, если нам удастся уйти Туда!

– Все ли смогут уйти? Все ли захотят? Знаешь что, Уотан, поздно уже. Завтра я пошлю с ответом, а сейчас мне на боковую пора. Ткачи там, или драконы, а работа сама себя не сделает.

Уотан! Так старый друг отца по детским играм, оказывается, один из тех алхимиков, что навлекли на город гнев Ткачей! А казался обычным книгочеем и счетоводом.

Адриан юркнул в комнатку, где спал ещё с двумя мастерами, прикидывая, как бы завтра оказаться тем самым посыльным. Разбудить старших братьев он не опасался. Те были отличными работниками и здоровыми малыми. Ели за двоих, и храпели так, что стёкла дрожали в окнах. По-своему юноша любил их, но чувствовал себя другим. Особенно со времён недавнего открытия.

Наутро заспанного юнца хлопнул по плечу хмурый Иво. Придумывать ничего не пришлось:

– Держи, отнесёшь Уотану на улицу Фюрен. Третий от булочной дом, – отец всучил Адриану свёрнутый кусочек пергамента.

Проходя мимо покосившегося худого домишки по соседству, юноша слышал дребезжащий старческий голос Амелинды. Бельмастая старушка в пожелтевших чепце и переднике на старое коричневое платье, ткнула высохшим корявым пальцем в небо:

– Закон несправедлив падёт, и род людской отринет гнёт. Дракон направит свой полёт над тусклой кромкой стылых вод. Судьба грядёт!

Что-то новое! Стихов он от Амелинды до сих пор не слышал. Да ещё и пророческих. Адриан даже остановился. Старуха же заперхала, подавившись собственной слюной.

– А дальше? – выразила всеобщее нетерпение нескольких зевак молоденькая горожанка.

– Откуда ж мне знать-то, что там дальше? – отчего-то разгневалась Амелинда. – Как сказали, так передаю. Ну, чего встали? Кыш! Закончено представление!

С ворчанием горожане расходились по своим делам. Раньше Адриан часто слышал смех, а теперь всё чаще брань или недовольство. Юноша тоже не стал задерживаться. Его ждало самое важное дело. На углу Садовой и Фюрен он развернул таки записку:

«Нечистый!»

Корявым отцовским почерком на кусочке пергамента было выведено «Нет».

Худой горбатый Уотан с бесцветными глазами и волосами открыл Адриану дверь, звякнув небольшим колокольчиком.

– Я от отца. Иво плотника.

Болезненно сморщившись от чего-то своего, Уотан кивнул и молча протянул руку ладонью вверх.

– Он... на словах велел. Он согласен. Со мной просил передать.

Адриан сейчас очень рисковал. Уотан вновь скривился:

– Что с тобой передать? – будто с трудом вытолкнул он.

– Не знаю, – отчаянно блефовал юноша, не дрогнув, как он надеялся, ни одним мускулом. – Сказал, вы знаете.

– Дачтобнечистыйпобрал... – малопонятно пробормотал в ответ Уотан. – Ладно, сам отнесу.

Адриан скис. Он-то надеялся, что Дервиг отдадут ему в руки. А там уж он сумел бы как-нибудь разобраться. Не тут-то было. Тем не менее, юноша остался ждать.

Одетый в чёрную мантию и с небольшим узелком, который он спрятал в широком рукаве, Уотан спустился по скрипучей лесенке. Он удивлённо поглядел на Адриана, но затем кивнул ему. Мол, идём.

Так, в молчании, они добрались до улицы Гильдий. И тут одновременно произошло два события. Сперва Адриан увидел посреди улицы растрёпанную простоволосую Амелинду. Затем почувствовал, как его окутывает плотная ватная тишина. Город словно окунули в густой туман, где стало тяжело дышать и даже соображать.

Видно было только застывшего по правую руку Уотана, и стоявшую чуть впереди Амелинду. Откуда-то сверху, перебирая многочисленными тонкими ногами, спускались тёмно-серые фигуры. Пятеро, если Адриан посчитал верно.

«Это Ткачи?» – мелькнула паническая мысль.

Внутри шевельнулась, как щука на глубине, драконья сущность, растопив горячим боком липкие нити, цеплявшиеся к юноше.

Тонкие многоногие силуэты спустились на каменную мостовую. И тут Амелинда зашипела. Из-под платья выглянули шесть тонких когтистых лап. Старуха выросла и побелела, тело её удлинилось. Она явно приготовилась сражаться.

– Уходи, Сгинувшая. Ты выбрала свою судьбу, но мы можем тебя пощадить, – раздалось отовсюду и ниоткуда.

– Моё место. Не отдам, – прошипело в ответ то, что было недавно старой доброй Амелиндой.

Вдруг она повернула к Адриану белесое лицо, похожее на каплю воды с чёрными глазами и безгубым ртом:

– Бери у этого дурака портал, дракон! И беги. Ты знаешь путь, он у тебя в крови. Может, однажды вы станете настолько сильными, что вернётесь и уничтожите этих обнаглевших выскочек.

Спрашивать было некогда, впрочем, и Амелинда теперь не смогла бы ответить. Пятеро серых Ткачей принялись очень быстро набрасывать на неё тонкие петли из невесомой паутины. Она рвала их и пускала в ответ свои – красные. Но, казавшаяся мягкой субстанция, оставляла порезы на телах сражавшихся.

Уотан не возражал, когда Адриан залез к нему в рукав. Книгочей сейчас боролся за жизнь, хрипя от невидимой удавки. Забрав свёрток, юноша попытался помочь, но лишь усилил страдания старинного друга отца.

Что ж, значит, пора действовать.

В свёртке пульсировал красным драгоценный камень величиной с ладонь. Зов Адриан почувал сразу. Там был путь. Оттуда веяло свежим ветром, которого так не хватало теперь на улице Гильдий. Не раздумывая, плотник расправил крылья, которые больше не казались рудиментом. И нырнул в светящийся рубиновым тоннель.

В морду ударила тугая волна ветра. Тёмная драконья туша отразилась в холодной серой глади огромного озера. Над зелёными холмами в ярко синее небо взлетали десятки, сотни разноцветных крылатых ящеров.

Адриан слышал их зов, ощущал их радость, он был дома.

Долетев до кромки воды, он изо всех сил призывно взревел и развернулся ко всё ещё пульсирующему над озером порталу. Сотни услышали его призыв, десятки откликнулись. Он чувствовал, что сородичи следуют за ним. Здесь не знали, как может быть иначе.

Адриан тоже был драконом. Пусть и необычным, почти бракованным.

Демиурги

– Я достал ещё крэя! – хриплый рык Первого торжествовал.

Из разных углов Убежища слышались приветственные возгласы членов братства. Иногда Пятый думал, что сама возможность держаться на острой грани даже больше нравится Первому, чем запрещённое развлечение.

Глава Убежища вошёл под тускло освещённый свод, пахнув терпкими дорогими феромонами. Следом чёрными кляксами перетекли Второй с Третьим. Огляделись, угроз не нашли и рассредоточились.

– Где Док?!

«Док! – Пятый чуть не подпрыгнул. – Он ведь должен следить, чтобы Док не сделал чего-то эдакого».

Эдакое Док вытворял каждый второй суточный цикл. За что его и уважал Первый. Другого он уже бы уничтожил. Например, такого, как Пятый.

– В-в к-кузне... – обморочно пролепетал он, истово надеясь, что за прошедшие три затяжки Сладким Дымом его подопечный не сменил дислокацию.

– Какого скрота он там делает? – тон Первого, впрочем, был добродушен. – Всё подождёт! Я достал крэя!

Всё ещё бледный и слабый от страха Пятый тащился за своим боссом позади Второго и Третьего. К его огромному облегчению, в светлом от сотен застывших вспышек помещении Док с увлечением втолковывал что-то позеленевшему Четвёртому. Тот обвёл мутным взглядом вошедших и вдруг просиял:

– Док, глянь-ка, кто пришёл!

Воспользовавшись минутным замешательством недовольного собеседника, Четвёртый быстро юркнул за спины вошедших и ретировался в коридор.

– Первый, – буркнул Док, на чьём языке это значило приветствие.

Пятого каждый раз коробило от этого, но раз уж босс терпит...

– Док, я достал крэя! Крэя, дружище! Понимаешь, что это значит, а?

– Пфф! – низвёл достижение Первого собеседник. – Я почти синтезировал чистый крэй! Но Четвёртый настолько туп, что не мог даже понять пропорции тёмной материи, которые мне нужны.

– «Почти» не считается, дурила! – развеселился Первый. – Подождёт твой синтез-шминтез! Я хочу реванша!

– Но ты же опять проиграешь! – с удивлением обнаружившего скрота в своём супе произнёс Док.

– Посмотрим! – добродушия в голосе Первого поубавилось. – Я такое придумал! Даже ты, умник, не сможешь это побить.

Пятому было интересно. Впрочем, если тебе не интересен край, значит, ты скорее мёртв, чем жив. Разве ж его иначе запретили бы? Опасно, что да, то да. Но, вон, Док же справляется, и Первый... хотя в последнее время зависимость босса становилась всё более явной. У Пятого же была идеальная роль – он мог приобщиться к запретному удовольствию, но дозы оставались небольшими. Потому что он лишь наблюдал.

Второй и Третий тоже предвкушали, судя по алчному блеску в глазах.

– Что, прямо здесь? – уточнил Док.

– А чего тянуть? – хрипло сглотнул Первый.

Он достал прозрачный контейнер с мерцающими внутри огнями. Сжатые сферы края. Когда контейнер вскрывают, начинается игра, где бы ты ни был, и чем бы ни занимался. Игнорировать её не получалось ещё ни у кого.

После набора нужного кода, контейнер просто распался, и сферы принялись увеличиваться в размерах, постепенно заполняя всё больше пространства. Док шагнул и небрежно коснулся своей. Первый оставил отпечаток так сильно, что его край недовольно завибрировал.

Пятый ощутил сладкую дрожь и покалывание. Предвкушение порой оказывалось даже приятнее самой игры, но кто и как бы в неё ни играл, более острые эмоции получить было сложно.

Разросшиеся до невозможности сферы внезапно распались на два гигантских солнца и горстку планет, окруживших светила. Звезда Дока была бледно жёлтой, а у Первого вспыхивала зловещим красным цветом.

– Непригодна, – услышал Пятый бормотание их штатного гения, – слишком горячая, и эта. Ааа! Вот! Перед ним увеличился в размерах сине-зелёный шар с белыми перьями, опоясанными атмосферой.

Первому повезло чуть меньше. Он дольше искал пригодную планету, но наконец и ему улыбнулась удача. Сине-коричневый шарик тоже оказался пригодным для жизни.

При новом приближении оказалось, что планета Дока населена огромными животными, как травоядными, так и плотоядными. Разных форм и цветов, гиганты поражали воображение. Постарались же разработчики! Но Док безразлично махнул рукой:

– Мусор. Предустановки долой! – он начертил огненный след кометы, беззвучно упавшей в сине-зелёное небо.

Наблюдать за гибелью огромных тварей Пятому не понравилось, и он переключился на игру босса. Там, на безжизненных пока просторах, Первый возвращал своих новых существ. Прошлая игра длилась пять суточных циклов, но тогда он поспешил – создал полуразумную расу огромных завоевателей. Конечно, в итоге, они проиграли мозгам Дока. Теперь Первый явно не спешил. Зрелище предстояло долгое.

Пятый поудобнее устроился у двери. Сидя-то оно проще.

Но вот на обеих планетах сформировалась своя жизнь. Высокие, красивые, закованные в хитин гуманоиды заселяли сине-коричневую планету. Строили дома, города, развивались.

– Ну что, Док, съел, а? – хохотнул Первый. – Я свои ошибки учитываю!

– Ещё пока не съел, – сосредоточенно согласился тот, колдуя над полуразумными зверушками.

– И не съешь, ха!

Пятый увидел, как уровень бессмертия хитиновых гуманоидов вырастает до отметки не смерти. Ничего себе крэя раздобыл Первый! Такие моды по карману не всем высшим. Впрочем, на то они и братство, чтобы забирать то, что понравилось, не спрашивая.

Док, заметивший краем глаза изменения в системе соперника, только презрительно хмыкнул. И понизил шкалу выживания у своего вида. Он что, идиот?! Может, крэй уже забирал его сознание? Но Пятый не был игроком, и даже советовать не мог. Лишь злиться и удивляться.

Бессмертные хитиновые воители Первого не шли ни в какое сравнение с однодневками Дока, умиравшими от любой заразы, или просто быстро постарев. Да, они были так же умны, как неизвестные им пока противники. Так же строили дома, дороги, города. Но каждое новое поколение появлялось как белый лист – им заново приходилось познавать то, что уже прошли их предшественники. Тогда как гуманоиды Первого достигали всё новых вершин, не сменяясь и не начиная заново.

Крэй захватывал настолько, что, очнувшись в какой-то миг, Пятый понял, что уже два суточных цикла ничего не ел и практически усох вдвое. Такие же измождённые Второй и Третий полусидели в углу, но взгляды их блуждали где-то в солнечных системах. Пятый приложился к питательному супу, налитому в специальную тару, и вновь вернулся к игре.

Каре-зелёная планета была готова атаковать. Дальние корабли стояли на старте. Учёные проводили последние расчёты. На голубом шаре Дока царил ренессанс, далёкий от космических путешествий, но умник бездействовал. То ли и правда сошёл с ума, то ли что-то задумал. Пятый заглянул за край планеты, готовый увидеть спрятанную там армаду. Нет. Никого и ничего.

Корабли хитиновых стартовали, но прошёл ещё суточный цикл, а у прогрессирующей планеты Дока они так и не объявились. Шар Первого начал умирать. Внезапно всемогущая бессмертная раса принялась гаснуть, превращаясь в застойное болото. Корабли сгнули в чёрном межзвёздном пространстве, а Первый в бешенстве дёргал настройки. Высохший и почерневший от голода и недосыпа, он сейчас сам был похож на скрота.

– Почему? – наконец не выдержал он, захрипев на умиротворённого Дока. – Что я на сей раз сделал не так?!

– Они просто одряхлели, – спокойно ответил тот. – Бессмертная раса не плодится за ненужностью. А без притока молодой поросли даже самые разумные расы перестают нормально функционировать. И становятся всего лишь перебродившим соком в красивом сосуде. А те, кто ценит жизнь, берёт от неё максимум, как бы коротка она ни была. Скрот, как же скучно в этот раз! Достань мне тёмной материи, и начни уже думать в партиях.

Док вышел из игры. Просто взял и вышел, на что ни у Первого, ни у других присутствующих не было сил. Оцепеневшего от бессилия и усталости босса он вытащил следом. А вот об остальных заботиться уже не стал.

Пятый лежал и смотрел, как на сине-зелёном шаре наступала эпоха космических открытий. Крэй притягивал взгляд и манил. Вот он, игровой шар. Бесхозный. Возьми и управляй. Пятый тихонько простонал и протянул к нему щупальце.

За две чашечки чая

– Если звёзды зажигают, значит, это кому-то...

– Фуу, Барнаби, какая пошлятина! Перестань общаться клише! – высокий бледнокожий блондин с томным взглядом и в бежевом пиджаке с джинсами сидел в глубоком кресле среди кип газет, папок и просто бумаг. Его худую шею закрывал огромный клетчатый шарф, будто он болен, в тонких пальцах маленькая белая чашка с кофе и блюдце от неё.

– Не придирайся, Ментор, ты ж сам в курсе, – без клише и творчества не бывает! – бодро отозвался полноватый рыжий усач в старомодном твидовом костюме-тройке.

В маленькой комнатке места, чтобы присесть уже не осталось, поэтому Барнаби облокотился о край небольшого письменного стола, тоже заваленного бумагами. Был ещё стул у окна, но к нему пришлось бы протискиваться между шкафом и «пизанской башней» из папок.

– Ну, тебе видней, ты у нас ходячее клише, «доктор Ватсон».

– Сказал бы я, сколько школьников в разных странах рисуют таких как ты, – хихикнул оппонент, – да лень тратить красноречие. Открой, вон, Пинтерест.

Ментор отхлебнул кофе из своей белой фарфоровой чашечки, после чего собрался было возразить, но тут в дверь постучали. Вернее было сказать поскреблись, но чуткое ухо блондина уловило этот негромкий звук:

– Стучат, – сообщил он компаньону.

– Сам слышу, – тот повернул ручку, впуская в маленький кабинет невзрачное существо скорее женского пола.

В мешковатой тёмной куртке, с курносом носом-картофелиной, обычными серыми глазами и тонкими губами. Шерстяные шапка и шарф говорили о том, что дух бунтарства задавили здесь в корне заботливые бабушки. Джинсовый рюкзачок за спиной оставался единственным очагом сопротивления, увешанный значками с символикой и участниками разных молодёжных групп.

– Добрый день, – улыбнулся Барнаби, – чем можем быть полезны?

– Я... эээ... я пойду, наверное, – вдруг пошла на попятный девушка.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда Ментор спросил:

– Вы по объявлению?

Вежливость потребовала ответа, поэтому она обернулась и произнесла:

– Ну... да, но я... не знаю, думаю, я не подхожу. Извините...

– Но вы же принесли образцы, верно? Позвольте профессионалам решить, – мягко произнёс Ментор, не вставая с кресла. – Вы точно ничего не потеряете, а вот приобрести... приобрести можете многое. Например, обрадовать и удивить маму.

– Откуда вы?..

– Барнаби, ну пусти девушку, что ты встал в дверях, как ламантин в эволюции?

Усач недовольно фыркнул, но таки посторонился.

Сплошная деревянная дверь закрылась, отрезав от мира троих существ и скрыв то, что они делали. Однако, часа через пол она вновь открылась, выпуская удивлённо глядящую перед собой девушку.

– Ну, что я вам говорил? – вслед ей произнёс Ментор. – Вы нам ещё как подходите! А, Барнаби?

– Д-да, наверное, – девушка несмело, но светло улыбнулась, прижав к груди рюкзачок. – Я попробую.

– Не попробуете, а сделаете! Я вас уверяю, – широко улыбнулся Ментор.

Когда девушка ушла, Барнаби снова фыркнул:

– Ты в своём уме? Разве она нам подходит? В ней никакого стержня! Я таких знаю, – бросаю на полпути. Живут на гроши, и во всём обвиняют окружающих. Родителей, правительство, начальство, – брезгливо поморщился Барнаби. – Нам нужна настоящая Звезда! Иначе... – он выглянул в перечёркнутое жалюзи окно, – ууу! Так и останемся в темноте.

– Она справится, я уверен!

На следующий день в то же время девушка была снова в маленьком захламленном офисе. Судя по отсутствию шапки и подобию причёски на голове, она готовилась к визиту. Барнаби позволил напарнику взять всё в свои руки и принялся заваривать чай в стеклянном чайнике.

– Ооо! Проходи-проходи, Марта!

– Здравствуйте.

– Прежде чем приступить, есть ли у тебя вопросы?

– Д-да... есть...

– Ну-ну, смелее!

– А почему у вас... такой офис?

– Какой «такой»? Аааа! Барнаби, расскажи девочке, почему у нас такой офис.

– А чем он плох? – холодно поинтересовался рыжий усач.

– Неет-нет-нет, он не плох! – испугалась девушка. – Просто он... ну, не совсем современный, и очень маленький, – и поспешила добавить: – но мне даже нравится!

– Ты вообще знаешь, сколько сейчас стоит снять офис в центре города? – хмыкнул Барнаби. – Но для бизнеса важен именно центр! Вот ты бы поехала на какую-нибудь окраину в другом конце города?

Он ткнул в девушку рукояткой ложки, как маленькой рапирой.

– Ну я... да, поехала бы...

– Ну это ты, – немного разочарованно протянул Барнаби, возвращаясь к своему чаю.

– Ну его! – махнул тонкой рукой Ментор. – Ещё вопросы?

– Да. Что такое «звёзды»? Звучит волшебно и здорово, но я... я не понимаю.

– А вот это, – усмехнулся Ментор, – я тебе лучше покажу. На-ка вот.

Он достал из ящика стола прибор, одновременно похожий на очки и бинокль с закрытыми линзами.

– Это что? – тем не менее, девушка протянула руку и взяла прибор.

– Современные технологии, душенька! Ты загляни.

За двумя окулярами плескалось чёрное пространство, испещрённое множеством искрящихся точек. И они не были просто картинками. Они мигали и словно бы очень медленно вращались по гигантскому кругу. Если посмотреть подольше, появлялось ощущение полёта.

– Это... звёзды? – прошептала Марта.

– Да, это звёзды.

– А что они такое?

– Кто-то говорит, что это очень далёкие солнца, кто-то, что глаза всех когда-то умерших котов, а мы считаем, что это отражение внутреннего сияния тысяч, миллионов ярких людей.

– А почему... почему у нас их не видно?

– Потому что вы, дорогие мои, потухли.

– И нам приходится делать чёрную работёнку, – недовольно хмыкнул Барнаби. – Зажигать вас обратно. А вы ж как свечки – чуть подул, и всё! Нежные, как...

– Ну-ну, друг мой, наша задача не ругать, а помогать!

– То есть... в объявлении всё правда? Или... – девушка вдруг нахмурилась, – тут же нет скрытой камеры?

– Она нам не верит! – удовлетворённо заключил Барнаби.

– А это поправимо, – улыбнулся в ответ Ментор. Он впервые за всё время общения с Мартой встал и резко хлопнул в ладоши.

Окружающее мигнуло и поменялось. На галечный берег накатывали тревожные волны, резкий северный ветер заставлял кутаться в шарф. Крики чаек дребезжащим писком оглашали окрестности. Позади нависали поросшие вереском скалы, сверху глядело в прорехи грязно-серых облаков синее небо. И нестерпимо пахло морской солью.

– Ой, – сказала Марта.

– «Ой»?! Просто «ой»?! – возмутился Барнаби, державший в руке чайник. – Ментор, кончай метать бисер, и возвращаемся, я чашку не взял.

– Нет! Это... я такого ещё не видела. Я... я хочу это рисовать! – в её глазах внезапно зажглись огоньки. – Тут же вот, и... туда смешать лазурь и серебро...

Казалось, девушка забыла о присутствии двоих существ рядом. Не говоря ни слова, Ментор вытащил из воздуха за собой рюкзачок Марты и протянул ей. Она в свою очередь достала деревянный планшет, с листом бумаги, кисти и краски, и по-турецки уселась прямо на мокрую холодную гальку.

Барнаби остолбенело таращился на работающую художницу. Ментор приложил палец к губам и отозвал напарника подальше.

– Засекай время, Барри, – негромко сообщил он, – эта – наша самая яркая. И она не станет гореть одна. Такой талант зажигает и других.

– Но...

– Держи, – Ментор протянул напарнику белую чашечку с блюдцем. – И наслаждайся.

Дело о бомбистке

– Мистер Мэддокс?

– Нашёл. Мэд докс нашёл.

Мистер Мэддокс, штатный «сыщик» Белого корпуса Его Величества Имперского сыска, взвизгнув старыми шестернями, присел перед бледной девушкой, почти девочкой, в платье богатой мещанки.

– Что вы нашли, мистер Мэддокс? – раздражённо переспросил коренастый брюнет в чине майора, сидящий на нетерпеливо гарцующей холёной лошадке.

– Бомбистку, мистер Крэд, – металлический голос порой заставлял вздрагивать самого Крэда. Что уж говорить о бедной девочке?

– Мистер Мэддокс, о чём вы? Никаких общественных мероприятий или выездов не планируется. Кого ей взрывать?!

Девушка, минуту назад исподлобья глядевшая на мистера Мэддокса, повернулась к майору, не дав «сыщику» вставить ни слова:

– Сэр, что происходит? Я возвращалась домой с мюзикла... – она слабо кивнула в сторону мюзик-холла с милым личиком Дженни Дэффейр на яркой афише.

Дыхание у неё перехватило, и девушка всхлипнула.

– Я уловил следы пороха в волосах и на одежде, – бесстрастно констатировал мистер Мэддокс, не обращая внимания на мольбы юной подозреваемой.

Энтони Крэд поморщился. Мэддокса считали бесперебойным механоидом. Тогда как другие ломались и совершали ошибки, мистер Мэддокс достигал бомбистов, как молоток в умелых руках забивал гвозди. Планово, без промаха, без эмоций. Но девочка совсем не походила на тех угрюмых работяг и чухлых студентиков, которых то и дело водили на допросы. Даже знаменитые террористки сёстры Грэй были вульгарными и яркими особами – не чета этой малышке. Тащить её в участок в столь дивный вечер, а потом сидеть там, в духоте, и допрашивать сквозь рыдания, майору совершенно не улыбалось.

И потом, ведь именно вчера мистер Мэддокс дал сбой. Не по своей основной программе, правда, что-то с накопителем информации, но всё же это стало причиной их сегодняшней совместной «прогулки» в Его Величества Императорский Институт мехатехники. До которого они, впрочем, не дошли каких-то двух кварталов.

А если всё же предположить, что Мэддокс вновь не ошибся? В больших серых глазах девушки застыли слёзы. Боже, храни империю, если за бомбы взялись такие создания! Да нет... и потом, даже если так, сейчас она точно не причинит никому вреда. Его Величество не планирует встреч и выездов, да и массовых праздников не предвидится. А девочке можно посадить следящего спрута на подол. Тогда уж точно не «потеряется».

– Мистер Мэддокс, – со вздохом обратился Энтони к терпеливо ожидавшему механоиду, – мы с вами получили приказ следовать в Институт. У нас нет задачи отслеживать бомбистов. Не сегодня, – затем он повернулся к подозреваемой. – Вы можете быть свободны, мисс.

Он уже собирался незаметно выстрелить спрута из-под манжеты, когда мистер Мэддокс мерзко заскрипел и выдал сигнальную сирену:

– Опа-сно-выс-ший-у-ро-вень-опас-но-пре-сту-пни-ца!

Этот вой обратил на себя внимание половины граждан, которые в тот момент находились на улице адмирала Кёртона.

Энтони Крэд разозлился, поэтому не сразу понял, что за его стремя держится виновница происшествия:

– Сэр, я пойду с вами в жандармерию. Я уже видела, как... этот механоид арестовывает людей. Он не успокоится.

Хмм... а почему бы и нет? Там можно будет препоручить сломанного Мэддокса кому-то другому, а самому составить быстрый протокол на ошибочно задержанную и отпустить на все четыре стороны. Тогда, чем дьявол ни шутит, можно будет успеть на партейку в кибер-вист с Конрадом и Тэрри.

– Забирайтесь, – Энтони протянул руку девушке. Ему не улыбалось ждать, пока она пешком доберётся до участка.

Та на удивление ловко и сильно взобралась в седло позади майора и обхватила его худенькими руками.

Мистер Мэддокс перестал выть на всю улицу. Это дало Крэду возможность крикнуть, что всё в порядке и девушка задержана лишь для проверки документов. Он знал, что ему не поверят. Белый корпус Его Величества Имперского сыска назывался так потому, что был призван удалить всякую тень с пути короны, однако методы и наказания вызывали ропот даже в дворянских кругах. Если же отбросить всякий политес – Белый корпус ненавидели и боялись.

«Тупое отребье, – в который раз презрительно подумал Энтони, глядя, как люди отводят глаза. – Неужели непонятно, что если будут преступления, будут и те, кто карает за них?!»

В сыском участке Грейтаунской жандармерии царила расслабленная будничная работа. Оставив свою гнедую на попечении конюха, Крэд в сопровождении молчаливой задержанной и бесстрастного Мэддокса, вошёл в сумрачный холл.

– Майор Крэд, сэр? – вытянулся во фронт молодой жандарм на посту. Как юноша ни старался, его взгляд с любопытством скользнул по задержанной девушке.

– Похоже, наш мистер Мэддокс совсем заржавел. На порядочных горожан кидается, – ухмыльнулся Энтони. – Но протокол всё же составить придётся. Сержант, вызовите какого-нибудь бездельника из отдела. Пусть сопроводит нашего уважаемого «сыщика» в Институт. Но предупредите, чтобы выбирали наименее людные улицы, иначе мы рискуем лишиться бесценного механоида в бесконечных протоколах на мирных граждан.

Постовой отсалютовал и сел за терминал вызова.

– Ждите здесь, мистер Мэддокс, – велел Энтони. Махнув рукой девушке, он направился к своему кабинету.

***

– Как-как вас зовут? – удивлённо переспросил майор.

Она подняла на него холодные серые глаза:

– Эвелина Грэй.

На Энтони повеяло могильной сыростью. Майкл Грэй, студент механической Академии, в прошлом году был арестован и обвинён в покушении на канцлера. Бомбу нашли под трибуной, где начиналось выступление блистательного Петра Вертэна. Майкла нашли в толпе. При нём не было взрывателя или чего-то похожего. Он всего лишь числился в кружке поэтов-диссидентов. Но мистер Мэддокс указал на него своим костлявым механическим пальцем, и юный Грэй оказался на суде. Парень плакал, раскаивался и даже, вроде, кого-то сдал, но ему это не помогло. Покушение на царских особ и высших членов правительства каралось расстрелом.

И вот теперь...

– Вы приходите родственницей Майклу Грэю? – уточнил майор, в глубине души надеясь на отрицательный ответ.

В минутной тишине стало слышно, как тикают настенные часы.

– Да. Майкл Дэниэл Грэй был моим родным братом.

Да что за семейка такая, от которой несёт порохом, но они никого не взрывают?!

– Вы понимаете, мисс Эвелина, что сейчас я имею полное право вас арестовать? Вы в близком родстве с осуждённым бомбистом и мистер Мэддокс указал именно на вас.

– Понимаю, – смиренно кивнула она.

И всё? Никаких слёз? Мольбы? Истерики? Что-то было в этом подозрительное, неправильное. Но зачем бы действительной террористке самой напрашиваться на заключение?

– Или... – Энтони решил прощупать почву, исподтишка наблюдая за собеседницей, – я могу вас отпустить... составим протокол. Вы, по сути, ничего не совершили. Не было ни общественного мероприятия с высшими государственными лицами, ни выездов императора с семейством. Я, как и положено, вас обыскал перед допросом. Никаких взрывных устройств при вас не обнаружено.

Девушка немного напряглась:

– Но ведь, ваш... мистер Мэддокс не ошибается, правда? – и не поймёшь, каким тоном она это произнесла. То ли с надеждой, то ли с отчаянием.

– Вы о своём брате?

Она отвернулась, похоже, скрывая слёзы.

Дверь в кабинет внезапно открылась, и человек в сером сюртуке с щеголеватыми усиками и острым взглядом произнёс:

– Тайная полиция Его Величества, – он предъявил жетон, – мы забираем мисс Эвелину Грэй под свою юрисдикцию.

«Какого дьявола тут происходит?! Как они узнали?!»

Но возмущаться вслух было себе дороже.

– Что ж, ваше право, – кивнул, едва сдерживая гнев, Энтони.

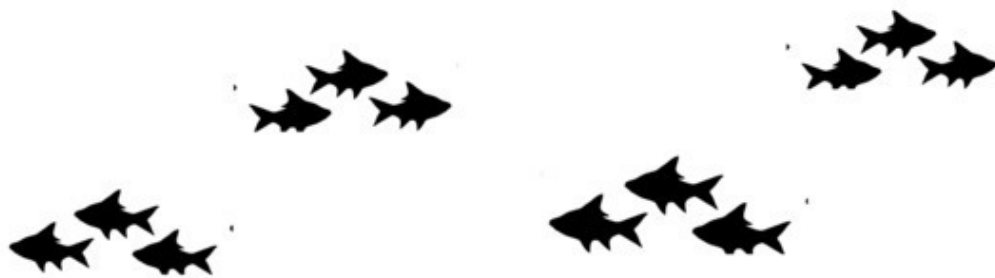
Возможно, ему лишь показалось, что, выходя из его кабинета, Эвелина довольно улыбалась.

Спустя месяц на императорском суде прогремел взрыв, оставивший на месте зала дыру. Чудом уцелевшие с дальних рядов рассказывали, что в момент вынесения приговора Эвелина раскинула руки в стороны, по её венам заструился холодный свет, видимый даже через кожу, после чего и грянула убийственная вспышка. Сестра Майкла Грэя нашла способ стать ходячей бомбой. И только мистер Мэддокс это понял, потому что ему не было свойственно рассуждать.

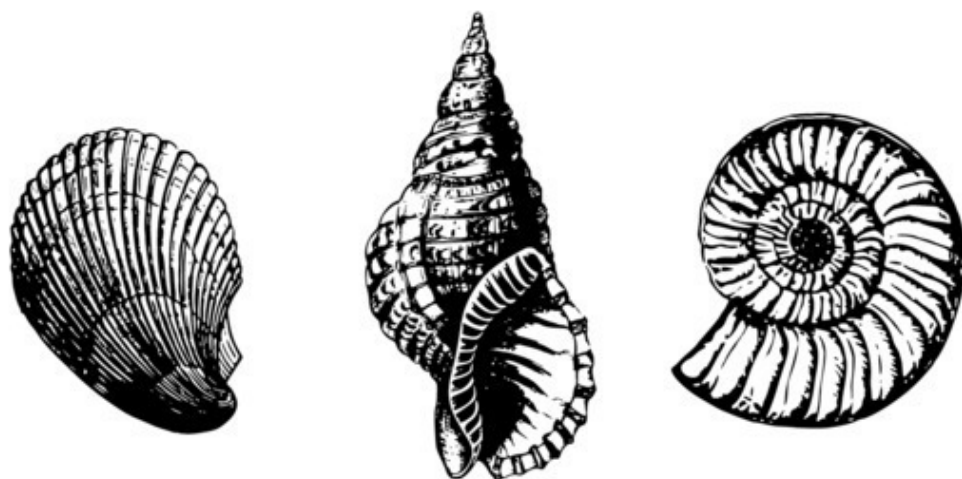
Люди «знали», что такие технологии за гранью фантастики. Механоид – не знал ничего, кроме того, что ему положено. И он не сомневался. Его уверенность и человеческие сомнения позволили Эвелине добраться до своей цели максимально коротким путём.

Взрыв унёс множество жизней, среди которых был и сам император Августин II Плантэр, по традиции присутствовавший на императорских судах с правом даровать помилование.

Говорят, Элеонору Грэй оправдали перед самой детонацией.

Руслана Кусова

Руслана Кусова

Аллоха, читающий эти строки прекрасный человек!

Меня зовут Руслана Рэм, в миру Руслана Кусова. Сибирячка, живущая в столице. Первой моей работой был графический роман о приключениях кота Тихона в вагоне купе. Гордый автор четырёх лет от роду с тех пор не выпускал карандаш из рук. Скоро увидят свет мой роман о попаданке из другого мира, а следом и история демонического офиса.

Я настолько верю в «книга – лучший подарок», что поздравляю исключительно купленным в книжных магазинах, либо сочинённым. Оказалось, что прочитать о себе в роли самого быстрого ковбоя на Диком Западе также приятно, как и получить носки на 23 февраля! Эти и другие не менее жизнеменяющие открытия можно найти в моей группе. Там ещё тексты, рассказы, странные видео и... Вовремя вспомнила, что мама учила: «не спойлеры, да не спойлерим будешь».

Моё творчество можно найти тут:

https://vk.com/lanarem_den

https://vk.com/rusalka_pishet

Морф

Крылья чудовища мягко пронесли над зеркальной гладью, но не задели. Охотник при- таился и замер. Сидеть неподвижно, еле дыша, было тяжело. Но он лишь повторял мысленно, как мантру: «Ты должен быть сильным, ещё чуть-чуть, ещё».

Охота на драконов – это особое искусство. Даже у таких чудищ есть своя слабость – лень. Все слышит и чует за сотни миль, стремительно взлетает, а когти... Ух, когти и пасть, полная клыков, совсем страшны. Но бывает, что находит на драконов лень такая, что даже шевелиться не может. И вот тогда есть шанс взять.

Охотник готов. Вот жёлтые глаза начинают исчезать за чешуйчатыми веками, рассла- бился, значит, зверь. Ещё немного и... Рывок получился неожиданный, но шумный. Запнулся, чёрт побери, чуть не упал! И, конечно, дракон сразу взлетел. Но на ближайший холм опустился уже не чешуйчатый змей, а лев.

Говорят, что войны ведут по двум причинам. Одна из них – власть, другая – деньги. Но это не относится к смельчакам, что борются с морфами. Потому что воевать с морфом можно только, если это твое предназначение, а жить по-другому ты не умеешь. Ведь в любой момент морфы могут превратиться в любое существо! Каждый раз приходится подстраиваться под нового монстра.

Охотник прикусил губу от досады, не успел. Значит, лев. По джунглям, озёрам и бес- крайним полям шла погоня.

Порой старые враги менялись местами, и вот уже охотнику приходилось улепетывать со всех ног от могучих лап/крушащих щупалец/острого клюва. Каждый день на протяжении веков они затевали эту игру. Бывало даже так, что кто-то побеждал, но только, чтобы порадо- ваться, отпустить противника и начать заново.

Сегодня охотник вдруг увидел не гигантского зверя, а маленькую птицу. Она хотела научиться летать. Если кому и помогать в этой жизни, то только старым врагам, что никогда не предадут и не исчезнут, как какие-нибудь друзья или приятели.

Надев лучшие доспехи, закрепив на ножнах меч, Охотник бережно подхватил птицу и отправился в долгий опасный путь. Да, любое дерево бы подошло для урока полетов, но с дерева можно просто упасть, высота невелика и страх не раскроет крылья. А вот если падаешь со скалы в пропасть, почему бы не попробовать полететь? Что ты теряешь?

Поэтому охотник торопился к пику Вымыслов, что в долине Ночных Огней. Высо- кая, блестящая в лучах заходящего солнца вершина – то, что надо! Стоя наверху, охотник на секунду замер, отдавая дань торжественности момента. Птица в руках тревожно молчала.

– Митя! Митя, ты что с котом делаешь, сорванец? – совсем рядом раздался испуганный женский голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.